

А. Л. Шемакин

СМЕРТЬ

ГРАФА ВРОНСКОГО

Издательство «Индрик»

DEUS
CONSERVAT
OMNIA

Редакционная коллегия

Г. И. Вздорнов, А. Е. Иванов, Л. И. Шохин

Российская академия наук
Институт славяноведения

А. Л. Шемакин

СМЕРТЬ ГРАФА ВРОНСКОГО

К 125-летию
Сербо-турецкой войны 1876 г.
участия в ней русских добровольцев

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2002

Ответственный редактор:

доктор исторических наук *В. Н. Виноградов*

Рецензенты:

доктор филологических наук *С. В. Никольский*

доктор исторических наук *Л. В. Кузьмичева*

Шемякин А. Л.

Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. — М.: Издательство «Индрик», 2002. — 144 с.

ISBN-5-85759-141-4

В работе, выполненной в жанре научно-популярного очерка, реконструируется биография Николая Николаевича Раевского (внука бородинского героя), погибшего в Сербии в бою с турками 20 августа 1876 г. Его участие в боевых действиях первой Сербо-турецкой войны и героическая гибель показаны в широком контексте русского добровольческого движения, в рамках которого 125 лет назад тысячи граждан России поспешили на помощь сербам. Кроме того, автор тщательно анализирует популярную версию о том, что именно Н. Раевский послужил Л. Н. Толстому прототипом для написания образа Вронского в романе «Анна Каренина». Сопоставив (в ракурсе новых данных) судьбы, характеры, наружность героя романа и реального участника событий, автор делает вывод об оправданности данной версии.

© А. Л. Шемякин, 2002

ISBN-5-85759-141-4

© Индрик, 2002

Оглавление

Версии	7
Curriculum vitae.....	8
Идентификация: «характер, жизнь, наружность».....	14
Идентификация (продолжение): судьба.....	37
Убеждения	53
Сербская война	69
Последний путь	85
Вечная память.....	91
Жизнь продолжается	114
Возвращение Вронского	120
Примечания	124

Памяти Милутина Юговича — историка из Крушевца,
подсказавшего идею этого очерка

Блаженны живот положившие за други своя...

Даже те, кто не читал знаменитый роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», обязательно знают его начало и финал. Начало — текстуально: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских»*. Финал — фактически: после самоубийства Анны Вронский добровольцем уезжает в Сербию на войну с турками. О дальнейшей судьбе его Толстой не упоминает, однако очевидно, что тот покидает Россию, чтобы умереть: «Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но послыла» (т. 19, с. 361). Слова эти — о желании смерти — не просто художественный приговор автора своему герою, обусловленный логикой развития сюжета. В той или иной форме (а Толстой, варьируя, повторяет их трижды) они не могли не прозвучать, ведь за ними скрывалась вполне конкретная судьба.

* Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах (Юбилейное издание). М., 1927–1964. Т. 18. С. 3. В дальнейшем по тексту в скобках указываются: при цитировании различных редакций романа — том и страница; при цитировании писем Толстого — том и номер документа.

Версии

У графа Алексея Вронского был реальный прототип, который действительно погиб в Сербии. Это случилось 20 августа 1876 г. — тогда на высоте Голо Брдо, что у селения Горни Адровац в Поморавье, получил смертельное ранение отставной офицер русской армии Николай Николаевич Раевский. Именно с него, согласно широко утвердившейся версии, писал Толстой образ возлюбленного Анны¹. Хотя были современники, полагавшие, что Вронский — это совершенно иной человек. Так, известный дипломат Н. В. Чарыков писал в мемуарах, не называя, правда, имен, что познакомился с «Вронским» в 1881 г. в Петербурге, где тот проживал, а в последний раз встретился с ним восемью годами позже «на обеде в российском посольстве в Париже»².

И среди потомков есть немало скептиков. В безбрежном море литературы о Толстом существует, например, мнение, что для героя «Анны Карениной» тот «заимствовал имя Ю. Вронского (1788—1853)» — польского математика и философа, проповедника шляхетского мессианизма, — которое мог слышать от А. И. Герцена во время путешествия в Европу³. С другой стороны, утверждается, будто фамилия Вронский восходит к неким барону Вревскому⁴ или Воронцову⁵ — знакомым автора романа. С третьей, высказана мысль, что прототипом его персонажа «был известный поэт А. К. Толстой»⁶. И наконец, имеется сочинение, в котором «трагический разрыв с обществом князя (sic! — А. Ш.) Вронского», бросивший его под турецкие пули, объясняется всего «лишь творческим полетом мысли Толстого»⁷. То есть прото-

типа вообще как бы не существовало. Эту позицию *бесплотного образа* разделяют и чистые литературоведы. «Самая фамилия Вронский, — пишет один из них, — выбранная Толстым после долгих поисков, звучит как сознательная стилизация: точно Толстой намеренно подчеркивает связь этого персонажа с литературными героями 30-х годов (Пронский, Минский и др.)»⁸.

Уважая приведенные точки зрения, постараемся все же развеять сомнения их авторов в правомерности «канонической» версии, присовокупив к уже известным вновь обнаруженные и, как представляется, очевидные параллели между текстом романа и жизнью нашего героя. С которой и начнем...

Curriculum vitae

Н. Н. Раевский принадлежал к прославленному русскому роду, получившему особую известность во времена царствования Екатерины II. Его прадед — Николай Семенович Раевский (1741—1771), полковник Азовского пехотного полка, умер от ран в Яссах в возрасте 30 лет. Но дети продолжили ратное дело отца. Старший сын — Александр Николаевич, подполковник, которого сам А. В. Суворов назвал «храбрецом», погиб при штурме Измаила 11 декабря 1790 г. Младший — Николай Николаевич (1771—1829), генерал от кавалерии и герой Отечественной войны 1812 г., начальствовал тогда над войсками 7-го пехотного корпуса. То был дед «графа Вронского». Бабка его — Софья Алексеевна Константинова (1769—1844) доводилась внучкой М. В. Ломоносову⁹. Отец же и дядя — Николай (1801—1843) и Алек-

сандр (1795—1868) Николаевичи, оба участники походов 1812—1814 гг., на пике военной карьеры — генерал-лейтенант и полковник * и, ко всему прочему, близкие друзья А. С. Пушкина. Известно, что Николаю Раевскому поэт посвятил свою поэму «Кавказский пленник», а его брата вывел в стихотворении «Демон»¹⁰.

И женская линия предков «Вронского» заслуживает уважения. Дед по матери — Михаил Михайлович Бороздин (1767—1837), генерал-лейтенант, командовал в 1812 г. 8-м пехотным корпусом **. Его младший брат — Николай Михайлович (1777—1830), генерал от кавалерии и генерал-адъютант, был в то время командиром бригады кирасир. На Бородинском поле, кстати, и Н. Н. Раевский-старший, и М. М. Бороздин во главе своих соединений стойко отражали натиск наполеоновских колонн, причем по соседству: один в самом центре русской позиции — на знаменитой батарее, другой чуть левее — у деревни Семеновское. И Бороздин 2-й был рядом. Атака его бригады во фланг неприятелю, штурмующему батарею Раевского, запечатлена на панораме Франца Рубо «Бородинская битва». Сюжет этот имел продолжение — лобовая ошибка кавалеристов Н. М. Бороздина с саксонскими кирасирами из корпуса В. Латур-Мобура («кавалерийский

* Младший брат дослужился до поста начальника Черноморской береговой линии и основал город Новороссийск, старший вышел в отставку в звании камергера Высочайшего Двора.

** Его супруга, т. е. бабушка Николая Раевского по материнской линии, Екатерина Александровна (урожденная Шемякина), была, пожалуй, единственной, кто ничем не прославился. Хотя нет — она же родила Анну Михайловну.

бой во ржи») является наиболее динамичным фрагментом известного полотна.

И воздалось им за деяния их — все будущие свойственники за Бородино получили награды... А спустя двадцать семь лет Анна Михайловна Бороздина (1819—1883) вышла замуж за Н. Н. Раевского 2-го *, о чем в метрической книге Иоанно-Богословской церкви, что на Бронной улице в Москве, была сделана запись: «1839 года, генваря 22 дня начальник 1-го Отделения Черноморской прибрежной линии генерал-лейтенант и кавалер Николай Николаевич Раевский, православный 37 лет, венчан первым браком Двора Его Императорского Величества с фрейлиною, умершего генерал-лейтенанта Михаила Михайловича Бороздина дочерью, девицею Анной Михайловною, православного исповедания, коей от роду 19 лет» ¹¹.

Фамильные традиции обеих семей предполагали, что и Николаю Николаевичу Раевскому 3-му, появившемуся на свет 5 ноября 1839 г. **, не миновать воинской службы. Так в конечном итоге и случилось. Но не сразу. Потеряв на четвертом году жизни отца, он (как и его младший брат Михаил) воспитывался под надзором мате-

* Оба семейства породнились задолго до этого брака. Единоутробная сестра Н. Н. Раевского-старшего Софья Львовна Давыдова была замужем за Андреем Михайловичем Бороздиным — братом Михаила и Николая Михайловичей.

** Николай Раевский родился в Керчи, по месту службы отца. 21 ноября он был крещен в Свято-Троицкой церкви, причем восприемницей его (крестной матерью) была родная тетушка, княгиня Мария Николаевна Волконская — одна из самых известных жен декабристов.

Анна Михайловна Раевская (урожденная Бороздина).

ри — просвещенной и энергичной женщины, не жалевшей средств для образования сыновей. Большую часть детства Николай провел в Италии, Франции и Англии, пока, наконец, по достижении им 17-летнего возраста, семья не вернулась в Москву. Лучшие учителя и наиболее известные профессора приглашались к нему, а непосредственно его домашним образованием руководил сам Т. Н. Грановский. Осенью 1858 г. братья Раевские поступили на физико-математический факультет Московского университета.

По завершении курса, 22 февраля 1863 г. молодой кандидат естественных наук вышел юнкером в лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк. Военная карьера спорилась. За три года были пройдены первые три ступени — корнет, поручик, штабс-ротмистр. 27 апреля 1868 г. последовало производство в ротмистры, а два года спустя Н. Н. Раевский перевелся в 7-й Туркестанский линейный батальон подполковником*. В Туркестане он пробыл до 1874 г., где принял участие в экспедиции против поднявших восстание шахри-сябских беков, особо отличившись при взятии их столицы, Китаба (октябрь 1870 г.) — вынес из огня тяжелораненного командира отряда, подполковника В. Н. Соковнина, сам при этом был ранен, но первым ворвался в город. Наградой стал орден Св. Владимира 4-й степени с мечами¹².

Но не только служба интересовала университетски образованного офицера. В перерывах между боевыми

* Кавалерийский чин ротмистра соответствовал пехотному капитану, за которым следовал подполковник (воинского звания майор тогда не было). При выходе же офицера из гвардии он повышался в чине на одну ступень.

действиями он всесторонне изучал Туркестанский край с его богатыми хозяйственными возможностями; на свои средства устраивал шелкомотальни, заводил хлопковые плантации и виноградники. Его инициативы, особенно труды по разведению хлопчатника, были высоко оценены «Обществом для содействия русской торговле и промышленности», членом которого Н. Н. Раевский состоял. Однако, как это часто бывает, со стороны администрации он не встретил ни понимания, ни участия, что вынудило его покинуть Туркестан и вернуться в Россию.

Осенью 1874 г. последовало новое назначение — в распоряжение командующего Одесским военным округом. 28 мая 1875 г., приказом по ОВО, он командирован в 49-й Брестский Великого Князя Михаила Михайловича полк «для исполнения строевой службы». И, наконец, 21 января 1876 г. «Высочайшим приказом за отличие в службе произведен в полковники»¹³.

Начавшаяся в том же году первая Сербо-турецкая война не оставила Раевского равнодушным. 16 июля он подает прошение об отставке, а 1 августа зачисляется в сербскую армию (которой тогда командовал «лев Ташкента» генерал М. Г. Черняев) с чином полковника кавалерии; 4 августа прибывает в Сербию и уже с 6 числа находится на позициях. Спустя две недели, приняв участие в нескольких боевых операциях, «Вронский» погибает на высоте у села Горни Адровац от пули турецкого стрелка. Его прах, после временного захоронения в монастыре Святого Романа, был перенесен матерью на родину, где в родовом склепе Раевских, в их имении Еразмовка, что в Чигиринском уезде Киевской губернии, и обрел вечный покой.

Такова вкратце канва недолгой жизни человека, который всего за две недели вошел в историю Сербии. Реальный участник событий и литературный персонаж — полковник Раевский и граф Вронский — сплелись в сознании сербов в единый образ. И каждый из них вам не только расскажет, куда Толстой отправил своего героя умирать, но и воспроизведет, пересыпая легендами, его служение в Сербии и героическую смерть, словно дописывая за автора эпилог романа ¹⁴...

И здесь встает вполне законный вопрос — как и сколь органично соотносятся перипетии жизненного пути одного с написанной Толстым «биографией» другого, т. е. действительно ли правы сербы, безоговорочно отождествляя их?

Идентификация: «характер, жизнь, наружность»

Прежде всего определимся с понятиями, для чего предоставим слово одной из самых жестких оппоненток нашей гипотезы. «Легенда о Раевском как прототипе Вронского, — с жаром пишет она, — противоречит толстовским взглядам, замыслу романиста и потому, естественно, не находит подтверждения в творческой истории „Анны Карениной“» ¹⁵. Вот так. Выходит, что *прототип* всегда и во всем должен соответствовать «взглядам и замыслу романиста»? Ну, а если автор вообще не знает, и его совсем не интересует, что думает и как действует человек, которого он собрался изобразить в своем сочинении, поскольку тот «приглянулся» ему чем-то другим. Что тогда?.. Воспроизведем хрестоматийный отрывок из

мемуаров Т. А. Кузминской, в котором она описывает знакомство Л. Н. Толстого с дочерью Пушкина М. А. Гартунг. «Когда представили Льва Николаевича Марии Александровне, — вспоминала его свояченица, — он сел за чайный стол около нее; разговора их я не знаю, но знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью»¹⁶. Как видим, один только внешний облик (в случае с мадам Гартунг — это особо отмеченные собеседником «арабские завитки на затылке, удивительно породистые»¹⁷) уже может увековечить человека, ставшего прототипом. Мы же предполагаем идти дальше, сопоставляя не только «наружность» Раевского и Вронского, но также их «характер и жизнь».

Вопрос, затронутый уважаемой оппоненткой — насколько убеждения первого импонировали взглядам Толстого, и как они отразились (или не отразились) на облике второго, а равно на общем «замысле романиста», — в данном случае не столь уж принципиален. *Все* не может, да и не должно совпадать. Таинство творчества по природе своей противно клонированию. Сын Толстого Илья Львович вспоминал, как его отец «говорил, что тип создается писателем из целого ряда лиц, и поэтому он никогда не может и не должен быть портретом определенного человека»¹⁸. Так что генерализация в увлекательном деле разгадки прототипов явно не уместна. Но *некоторые* характерные черты, присущие литературным героям, вполне доступны для распознавания, равно как и их земные носители, чья жизнь и судьба давала творцам-реалистам пищу для размышлений. По нашему мнению, Н. Н. Раевский и оказался одним из такого «ряда

лиц», наблюдения за которыми помогли Толстому вылепить образ Вронского. Причем фигурой в этом «ряду» он был далеко не последней, что, собственно, мы и намерены показать...

* * *

Первой лежащее на поверхности сходство между ними заметила Г. Н. Моисеева: блестящий офицер гвардейской кавалерии Алексей Вронский «никогда не знал семейной жизни» (т. 18, с. 61). Он умен, образован, богат, а его семья состоит из женатого брата и оставшейся вдовой матери. Как видим, «анкетные данные» почти полностью совпадают (отличие лишь в том, что герой Толстого — *младший* сын графини Вронской). И по судьбе у них с Н. Н. Раевским очевидная схожесть. Так, одно время Вронский всерьез размышлял об отъезде в Туркестан (в романе — в Ташкент), после же трагической гибели Анны он отправляется в Сербию¹⁹. Уже эти, выявленные исследовательницей, параллели, позволяют, как нам кажется, говорить об их явно не случайном характере. Такое предположение превращается в почти полную уверенность при более углубленном прочтении романа, причем не только окончательного текста, но и черновых редакций.

Итак, в одном из первоначальных вариантов Толстой представляет читателю своего героя: «Искатель этот (руки Кити. — А. Ш.) был граф Вроцкий, один из двух братьев Вроцких, сыновей известной в Москве графини Марьи Алексеевны. Отец их оставил память благородного русского вельможи. Оба брата были очень богаты, оба прекрасно образованы, кончили курс кандидатами в Московском университете, оба первыми учениками, и оба служи-

ли в гвардии» (т. 20, с. 63). Что это, как не почти буквальное воспроизведение «семейного портрета» Раевских — в окончательном тексте он, сохраняя главные черты, теряет в деталях (Вронский, к примеру, заканчивает Пажеский корпус, а об образовании брата вообще ничего не известно)... Для демонстрации всей степени соответствия деталей наброска Толстого реальным фактам приведем еще пару примеров. Во-первых, как уже отмечалось, Николай Раевский вышел из Университета кандидатом естественных наук, а его младший брат «окончил курс по разряду чистой математики первым кандидатом» *. И, во-вторых (относительно подлинного богатства семьи), известно, что *только* в приданое за Анной Михайловной Н. Н. Раевский 2-й получил в Новохоперском уезде Воронежской губернии почти три тысячи крепостных ²⁰ **.

* Архив Раевских. Пг., 1915. Т. V. С. 5. В дальнейшем, при цитировании данного издания, в скобках указывается его сокращенное обозначение (АР), том и страница.

** Что касается личного состояния Н. Н. Раевского 3-го, то в соответствующей графе его послужного списка (1876 г.) читаем: «Имеет в С.-Петербургской губернии имение в 3000 десятин земли, в Киевской губернии 1000 десятин земли, в Таврической губернии 300 десятин земли». Но и это не все. Помимо названного, ему принадлежало «неразделенное с братом имение в Киевской губернии в 3600 десятин земли» (Российский Государственный Военно-Исторический Архив. Ф. 400. Оп. 9. Д. 14148. Л. 7 об.). Речь в данном случае шла о старинном родовом поместье Раевских Болтышка. Не этот ли фамильный майорат имел в виду Толстой, когда упомянул, говоря о богатстве Вронского, что «огромное отцовское состояние, приносящее одно до двухсот тысяч годового дохода, было нераз-

Обратимся к военной карьере. По роману, Вронский — *ротмистр* гвардейской кавалерии, правда, не ясно какого полка (в черновиках он — то кавалергард, то конногвардеец). В полку командует эскадроном, перед отставкой дослуживается до полковничьих эполет. Все опять, и как-то даже не совсем естественно для случайного совпадения, похоже — Раевский уходит из гвардии в чине ротмистра, а подает в отставку полковником. Дальше — больше. В самом раннем плане романа, относящемся к 1873 г., его эпилог выглядел так: «Алексей Александрович воспитывает детей. Гагин (будущий Вронский. — А. Ш.) в Ташкенте» (т. 20, с. 5). В дальнейшем наброске следует расшифровка: «Она ушла. Через день нашли тело под рельсами. Балашов (еще один «псевдоним» возлюбленного Анны. — А. Ш.) уехал в Ташкент» (т. 20, с. 46). Значит, под пером Толстого, он не только *собирался*, но и *отправлялся* туда. Именно Туркестан (где Раевский провел около четырех лет) вплоть до Сербской войны 1876 г. — судьба графа Вронского. Таков, рискнем предположить, был замысел автора²¹. Сербская война спутала карты, и он направил героя в другом направлении, но опять-таки по стопам прототипа...

И здесь мы позволим себе сделать несколько замечаний, касающихся (согласно классификации Т. А. Кузминской) не только «жизни», но также «характера» наших героев. Мы не обойдем вниманием и их «наружность», только чуть позже.

В черновиках романа, рассказывая Константину Левину о Вронском, Степан Аркадьич Облонский относит

дельно между братьями» (т. 18, с. 320).

его к «новому сорту людей» (т. 20, с. 125). Поясняя эту свою мысль, брат Карениной замечает: «Он как будто не дорожит теми преимуществами, которые ему сами собой дались как сыну графа Вронского... и хочет выйти в отставку. Одним словом, пренебрегает теми благами, за которыми все бегают» (т. 20, с. 125). И впрямь, сначала он «отказался от предложенного ему, важного для карьеры, положения, только с тем, чтоб оставаться в полку, где он мог видеться с Карениной», несмотря на то, что им были «недовольны за это высокопоставленные лица» (т. 18, с. 183). А затем и вовсе оставил службу, прервав, не колеблясь, свою блестящую флигель-адъютантскую карьеру. То же и Раевский — как мы уже наблюдали, он сменил Петербург, гвардейскую среду и заманчивые столличные перспективы на пески Средней Азии и пули туземцев. Значит, *что-то иное* было важнее для обоих, чем внешний блеск, а потому они и жертвовали им без сожаления. Прав, прав Степан Аркадьич — перед нами действительно «в своем роде новый сорт людей». Пасионариев, как мы бы сказали сегодня.

Но при этом, служба до отставки (перевода) в гвардии, как Вронский, так и Раевский, придерживались вполне определенного кодекса поведения и отношения с сослуживцами. «В полку, — пишет Толстой, — не только любили Вронского, но его уважали и гордились им, гордились тем, что этот человек, огромно богатый, с прекрасным образованием и способностями, с открытою дорогой ко всякого рода успеху и честолюбия и тщеславия, пренебрегал этим всем и из всех жизненных интересов ближе всего принимал к сердцу интересы полка и товарищества» (т. 18, с. 183). То же и с Раевским. Находясь впо-

следствии в Средней Азии, он «показывал шашку, в золото оправленную, на прекрасном клинке которой вырезаны имена поднесших ему это оружие на память, начиная с командира полка до младшего корнета включительно»²². Очевидно, что подвигнуть офицеров-гусар на столь дорогой подарок могла лишь их искренняя симпатия к уходящему коллеге. За что? В общем-то ясно — это воинского товарищества, в широком его понимании, был един для всех русских элитных полков.

А теперь сравним жизнь и занятия Вронского в Воздвиженском с пребыванием его прототипа в Туркестане. И опять, сходство их *поведения* наводит на мысль об очевидном родстве *душ*. Напомним — толстовский персонаж, уединившись вместе с Анной в имении, начинает хозяйственные преобразования: он вводит в действие «вновь привезенные жатвенные машины», начинает строительство «единственной вполне правильно устроенной больницы», «выписывает из Швейцарии коров» (т. 19, с. 184, 199, 220). При этом, «за что ни возьмется, он все делает отлично». И «не только не скучает, но со страстью занимается», во что совсем не трудно поверить — «там, где дело идет о десятках тысяч, он не считает» (т. 19, с. 189).

Раевский в Туркестане также не только воюет, но, как мы видели, устраивает шелкопрядильни, разводит хлопок и виноград. Причем делает это, как вспоминал знававший его офицер, «с крайне поспешной энергией». И все тоже за свой счет. «Получая из дому на ежегодное свое содержание значительные деньги, — продолжал знакомец Раевского, — (по словам одних 40, а других — до 80 тысяч рублей), он стал ... покупать земли, заводить

плантации хлопка и винограда, выписывать из-за границы семена и лозы»²³. К счастью, его усилия и затраты не пропали даром — «он первый доказал совершенную возможность разведения в Туркестане хлопка из американских семян»²⁴. Воистину, «за что ни возьмется, все делает отлично».

Но и это не все. Дабы усилить эффект от выявленного нами сходства в подходе к делу, приведем почти буквальную цитату. Известно, что, находясь в Ташкенте, Раевский написал ряд трудов по разведению хлопка и основал местное отделение «*Общества для содействия русской торговле и промышленности*». Так вот, в одном из ранних планов романа содержался специальный пункт: «Вронский о земледелии. *Общество земледелия*» (т. 20, с. 10).

Прежде чем перейти к сравнению «наружности» Раевского и Вронского, введем в наш рассказ еще один персонаж — многолетнего приятеля Толстого. Казалось бы, разве может некое третье лицо помочь при идентификации прототипа литературного героя. Оказывается, может, все дело в том, чтобы найти нужный ракурс участия этого третьего. В нашем случае он весьма неожиданен и связан с гимнастикой — одним из любимых занятий писателя в юности.

Ни для кого не секрет, что Константина Левина Толстой наделил многими собственными чертами. В том числе и «слабостью» к гимнастике. Особенно это заметно в черновиках романа. Так, представляя его своим сотрудникам, Стива Облонский возглашает: «Константин Дмитриевич Левин — гимнаст и двигатель...» (т. 20, с. 97). В следующем наброске акцент усиливается: «Земский деятель, мировой судья, новый земский человек, гимнаст,

поднимающий одной рукой 5 пудов * ... и мой друг Константин Левин» (т. 20, с. 117). Подобных примеров можно привести немало. С другой стороны, и Вронский не чужд тому же увлечению: не случайно в разговоре с приятелем Стива окрестил его модным словом «спортсмэн» (т. 20, с. 125). А в сцене знакомства с Левиным на приеме у Щербацких уже сам Алексей Кириллович демонстрирует свою причастность к полюбившемуся занятию: «Очень рад. Я слышал про Вас много по гимнастике» (т. 20, с. 65). И далее: «Я тоже любил, но доктора запретили мне» (т. 20, с. 133).

Эта встреча Левина (Толстого) с Вронским (Раевским) с едва слышным, но все же вряд ли случайным, *гимнастическим* мотивом — не является ли она мимолетным отражением другой, вполне реальной, встречи, состоявшейся в конце 1857 или начале 1858 г. в Москве и перешедшей затем в длительное знакомство. Тогда, на

* Здесь нет ни тени иронии, как могло бы показаться. Толстой педантично списывал с себя то, что касалось любимой гимнастики. Позднее один из единомышленников, сопровождавший писателя в пешем походе из Москвы в Ясную Поляну в мае 1889 г., вспоминал: «Утром, когда мы встали, Л. Н. заметил под кроватью огромные чугунные гимнастические гири, взял и хотел делать упражнения. Я испугался, что это будет вредно ему в его годы, и запротестовал. Он положил гири, но сказал: „Что ж, ведь я, знаете, подымал одной рукой пять пудов“» (Попов Е. Отрывочные воспоминания о Л. Н. Толстом // *Летописи Государственного литературного музея*. М., 1938. Т. 2. С. 369). Эта предельная точность *в деталях* дает возможность рассматривать и иные сцены романа в историческом, а не только чисто художественном, контексте.

занятиях в гимнастическом обществе, Толстой и столкнулся с нашим «третьим» персонажем. Звали его — Иван Иванович *Раевский*²⁵. До самой своей смерти в 1891 г. он оставался близким другом писателя, будучи с ним «на ты»²⁶ и запросто наезжая как в Ясную Поляну²⁷, так и в московскую усадьбу Толстых²⁸. После его кончины Лев Николаевич написал статью «Памяти Ив. Ив. Раевского». В ней он подчеркнул: «Это был один из самых лучших людей, которых мне приходилось встречать в моей жизни» (т. 29, с. 262).

При такой интерпретации идентичность фамилий становится еще одним, пусть и косвенным, аргументом в пользу нашей версии. А почему нет? Ведь в основе писательского труда нередко лежат ассоциации, когда память, помогая творить, выхватывает какую-то деталь из собственного опыта. В тексте, подчиняясь логике сюжета, она может трансформироваться до неузнаваемости, но что-то все равно будет напоминать автору о том, что происходило с ним в действительности, поскольку ассоциация есть его осознанный диалог со своим прошлым. В данном случае, эту связь и маркирует *говорящая* фамилия, причем кому она принадлежала на самом деле — не так уж и важно.

Возможностью такой трактовки (понятно, что далеко не бесспорной) значение личности И. И. Раевского для нас не ограничивается. Показанные выше дружеские отношения его с Толстым и регулярные, с начала 60-х годов²⁹, посещения Ясной Поляны превращали Ивана Ивановича в идеального посредника между писателем и всем важным, что происходило в роду Раевских. Николай же и при жизни своей был родственником слишком незаурядным, чтобы быть неизвестным человеку с той же фамилией. Тем бо-

лее, что и география способствовала общению — имение И. И. Раевского (село Бегичевка, где в 1891—92 гг., занимаясь проблемой голода, жил Толстой) располагалось в Данковском уезде Рязанской губернии. Там же, поблизости, находилось и одно из поместий М. Н. Раевского, младшего брата нашего героя³⁰... Кстати, о географии — в деле поиска прототипа графа Вронского она дает совершенно поразительные результаты. Задержимся на время и постараемся это показать.

* * *

После возвращения вместе с сыновьями из-за границы осенью 1857 г., Анна Михайловна Раевская вдруг обнаружила, что она «вовсе не знает, к дворянству какой губернии были приписаны» ее муж и свекор, а также, «в какой дворянской родословной книге записаны они и точно ли они где-нибудь записаны» (АР, т. V, с. 19). Между тем, данные эти были необходимы ей для определения Николая и Миханла в Университет, ибо «они должны представить в правление оногo, кроме метрических свидетельств, документ об их происхождении из дворянского рода» (АР, т. V, с. 27). Имея в виду, что родовые поместья той ветви Раевских, к которой принадлежали Николаевичи, располагались в Киевской, Воронежской и Тульской губерниях, А. М. Раевская и обратилась к губернским предводителям дворянства с просьбой навести справки.

Ответ из Тулы пришел быстро — оказалось, что род Раевских, как коренной тульский, был записан в 6-ю часть Родословной книги этой губернии. (В скобках заметим, что в 6-ю книгу дворянского Родословца вписывались лишь те семейства, которые могли подтвердить не менее чем сто-

летний «возраст» своего дворянства. Раевские же владели поместьями в тульской округе с XVI в., т. е. с момента выхода из Литвы в 1526 г. их пращура Ивана Степановича³¹.) Благодаря тульского губернского предводителя А. Н. Арсеньева за оперативность и внимание, Анна Михайловна писала: «Собрав все находящиеся у меня документы и данные, я намерена воспользоваться для окончания дела о внесении сыновей моих в 6-ю часть Дворянской родословной книги предложением родственника нашего Ивана Артемьевича Раевского, который едет в Тулу и берется там о нем хлопотать» (АР, т. V, с. 42).

Кто же был этот благодетель? Не кто иной, как... отец Ивана Ивановича (того самого, приятеля Толстого), тульский дворянин, владевший в Епифанском уезде старинным родовым поместьем Никитское, которое затем перешло к его сыну. Как видим, семейные связи между представителями двух ветвей одного рода* были весьма тесны: Анна Михайловна обращалась к Ивану Артемьевичу не иначе как «Любезный братец», а супруга его, Екатерина Ивановна — бывшая некогда предметом увлечения поэта Полежаева** — начинала свои письма к ней словами: «Chère Cousine!» (АР, т. V, с. 34, 40, 43, 78). Причем, что особенно важно —

* Стольник Артемий Иванович Раевский, умерший в 1696 г., оставил после себя трех сыновей: Ивана, Семена и Сергея. От первого из них произошел Иван Иванович, а от второго — наш Николай Николаевич. А. И. Раевский, таким образом, был общим прапрапрадедом обоих.

** Ей он посвятил стихотворение «Черные глаза», удостоившееся весьма благосклонного отзыва В. Г. Белинского, а также «К Е. И. Б-вой» («Таланты ваши оценить...»).

к концу 50-х гг., т. е. ко времени близкого общения с А. М. Раевской, Екатерина Ивановна (1817—1899) и Иван Артемьевич (1815—1869) были уже *лично* знакомы с Толстым. Так, Е. И. Раевская, урожденная Бибикова, — явно незаурядная мемуаристка и художница — на склоне лет вспоминала: «С графом Л. Н. Толстым я была знакома еще в 1856 г., когда, холостой, посещая московское общество, он бывал и у меня на вечерах»³². Относительно же близости с писателем ее супруга интересное свидетельство оставил племянник — князь Д. Д. Оболенский (его мать была также из Бибиковых): «Гр. Лев Николаевич был очень горячий и настоящий русский охотник... Особенно много охотился Л. Н. в 1857—1858 гг. с моим дядей И. А. Раевским, с сыном которого граф был на *ты* и очень дружил»³³.

В конечном итоге, И. А. Раевский свое дело сделал — сыновья кузины были записаны в 6-ю часть Дворянской родословной книги Тульской губернии³⁴ *. А значит, Николай

* В архиве Тульского дворянского депутатского собрания сохранилась копия Свидетельства № 302, датированного 6 июня 1861 г.: «Из Тульского Дворянского Депутатского Собрания дано сыну покойного генерал-лейтенанта и кавалера Николая Николаевича Раевского — Николаю... в том, что по определению сего Собрания, состоявшемуся 1 июня 1861 года, супруга покойного генерала — вдова Анна Михайловна Раевская и два сына их, помянутый Николай и Михаил, сопричислены к роду Раевских, внесенному в шестую часть родословной книги Дворянства Тульской губернии... В удостоверение чего и дано Николаю Николаевичу это свидетельство... за надлежащим подписанием и приложением печати сего Собрания» (Государственный Архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 73—73 об).

Раевский стал полноправным тульским дворянином, т. е. *земляком* романиста. С него и «географически» было легче писать образ Вронского. Тем более, что близкий друг, И. И. Раевский, как оказалось, был прекрасно осведомлен о жизни родственника (да и родители его могли многое порассказать). Кстати, родившись в 1835 г., приятель Толстого принадлежал к тому же поколению, что и братья Раевские. В 1857 г., т. е. накануне их поступления на физико-математический факультет Университета, Иван Иванович закончил его «кандидатом чистой математики». (АР, т. V, с. 36). Суммируя все сказанное, трудно себе представить, чтобы они не знали друг друга.

Добавим, что Толстому Раевские были всегда интересны — когда больше, когда меньше³⁵. Но, даже в конце 80-х годов, после внутреннего перелома, отрекшись от многого в себе прежнем, он при встречах с приятелем «вскользь справлялся о ком-нибудь из Раевских, не входя ни в какие дальнейшие разговоры. Его интересовало только человечество в целом...»³⁶. Надо полагать, что лет за пятнадцать до этого, в период работы над образом Вронского, мастер был несколько «приземленнее»...

Но и это не все. Всемогущая география, а точнее — вполне определенный круг общения внутри небольшого дворянского мирка, что по-соседски ограничен всего лишь несколькими уездами одной губернии, вскрывает еще один пласт отношений Л. Н. Толстого с Раевскими. На сей раз родственник — ведь хозяин Ясной Поляны не только основательно знал их, но в своем ближайшем потомстве даже породнился с ними. Правда, именовались они тогда по-другому.

Итак, в 1888 г. второй сын Льва Николаевича, Илья, женился на Софье Николаевне Философовой. Ее мать

Софья Алексеевна происходила из фамилии Писаревых — «давних, — как указывает семейная хроника, — знакомых Толстых»³⁷. Кто же были эти *Писаревы*? В поисках ответа воспользуемся записками старшей дочери Ильи Львовича, Анны Ильиничны Толстой-Поповой. Для нас они просто бесценны.

«В очень давние времена, — начинает автор, — в 30-е и 40-е годы прошлого столетия (имеется в виду XIX-го. — А. Ш.), жили два брата Иван и Владимир Артемьевичи Раевские». Про Ивана Артемьевича мы уже знаем практически все. А вот брат его — лицо совсем новое. И как же эффектно врывается он в наш рассказ! Продолжим цитату: «Второй брат, Владимир Артемьевич, никогда официально не был женат, но, оказывается, *все пять человек детей Писаревых были его детьми* (выделено нами. — А. Ш.). Сосед по имению, старый и немощный Писарев, женился на молоденькой. Владимир Артемьевич совершенно открыто ездил к этой молоденькой красавице Писаревой. Каждого вновь появлявшегося ребенка старик Писарев усыновлял, и так шла жизнь». В конечном итоге, «Владимир Артемьевич Раевский завещал свои земли незаконным детям», которые «получили хорошее образование. Я всех их знала как людей всесторонне образованных и передовых...». «Лев Николаевич, — следует резюме, — со всеми встречался и со всеми был в хороших отношениях»³⁸ *. Со всеми, значит — с дву-

* Прадед автора записок по матери, Владимир Артемьевич Раевский (1811—1852?), был фигурой заметной и по-своему колоритной. Происходя из московских дворян, он воспитывался в Пажеском корпусе и Школе гвардейских подпрапорщиков, свободно говорил на немецком и французском языках. В 1828 г. вышел юнкером в лейб-гвардии

мя кузенами и тремя кузинами своего друга, Ивана Ивановича. Выходит так, по крайней мере, по крови.

И здесь позволим себе одно уточнение к рассказу А. И. Толстой-Поповой, вполне достойное романтики сюжета. Утверждая, будто «Владимир Артемьевич никогда официально не был женат», мемуаристка ошибается. Дело в том, что после смерти старого Писарева его вдова вышла-таки замуж за любимого человека, обвенчавшись с ним «в московской Николаевской церкви, что в Гнездниках». Справка из Духовной Консистории подтверждает сей факт. «1856 года, февраля 17 числа, — читаем в ней, — женился отставной лейб-гвардии Конного полка поручик Владимир Артемьев Раевский первым браком 46 лет, взял за себя вдову коллежскую ассессоршу Софию Иванову Писареву 41 года. Венчал священник Стефан Краснопевцев с причтом...»³⁹. Но, увы, прожили

Конный полк (не отсюда ли и Вронский в одной из редакций романа — конногвардеец?). В декабре 1834 г. в чине поручика гвардии подал в отставку. Кроме тульских и рязанских поместий имел собственный дом в Москве... Младшая дочь В. А. Раевского — Софья Алексеевна Писарева (будущая теща И. Л. Толстого) получила от него в наследство имение Паники Данковского уезда Рязанской губернии, приобретенное еще отцом Владимира Артемьевича, генерал-майором Артемием Ивановичем Раевским (см.: Род Раевских герба Лебедь. СПб., 1908. С. 49—50; *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 141). Ошибаются те мемуаристы и комментаторы, которые считают имение Паники родовой собственностью мужа Софьи Алексеевны — Н. А. Философова. Так, подавая в декабре 1855 г. прошение о причислении его к тульскому дворянству, В. А. Раевский специально указал: «Жительство имею в Данковском уезде сельце Паниках» (ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1890. Л. 2 об.).

вместе новобрачные недолго — в конце 1857 или самом начале 1858 г. В. А. Раевский скончался. Вдова же его, «гвардии поручица София Ивановна Раевская», обратилась в январе 1858 г. с прошением причислить ее «к роду покойного мужа со внесением в Дворянскую родословную книгу Тульской губернии», что год спустя и было исполнено⁴⁰... Вот как судьба повернула, перед нами — *законные* на склоне лет супруги и пятеро их детей, рожденных в любви, но носивших другую фамилию и другие же отчества.

Одна из этих «тайных» *Раевских*, Софья Алексеевна Писарева, и оказалась со временем в ближайшем свойстве с Л. Н. Толстым*, на уровне же внуков — Ильичей — оба рода вообще пересеклись.

* Как-то удивительно символично, на наш взгляд, жизнь обставила возвращение Ильи Львовича и Софьи Николаевны после свадьбы из Москвы в Тулу. В столице их провожали Лев Николаевич и Софья Алексеевна, «стоя рядом, оба грустно, с вдумчивыми лицами». В Туле же, «с черным хлебом и солью», молодых встретила Елена Павловна Раевская (т. е. супруга Ивана Ивановича) «и, увидев их радостное состояние и невинное настроение, осталась очень довольна» (*Толстой И., Толстая С. Семейная хроника Толстых... С. 135–136*)... Кстати, Е. П. Раевская, урожденная Евреинова, была близка Толстым не только как жена их старого друга. Мир поистине тесен. Ее родная сестра Александра Павловна была замужем за Петром Федоровичем Самаринным — тульским губернским предводителем дворянства, который «находился в давнишних дружеских отношениях со Львом Николаевичем» (*Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913. С. 274. См. также: Раевский С. П. Семья Раевских // Ясная Поляна. 2000. № 1. С. 312*). Писатель не раз гостил у Самариных, в их епифанском имении Молоденки (*Давыдов Н. В. Из прошлого... С. 274*).

Любопытны отношения писателя со старшим сыном В. А. Раевского — Рафаилом Алексеевичем Писаревым (1850—1905). О них «Семейная хроника» сообщает: «Еще молодым он был знаком с Львом Николаевичем, бывал гостем в Ясной Поляне». Но однажды, в конце 60-х годов, «дяде Рафаше Писареву из жгучей ревности к Софье Андреевне Лев Николаевич подал лошадей в Ясной Поляне, взбешенный тем, что тот слишком уж весело и небрежно разговаривал с его молоденькой женой. Он поступил с гостем совершенно так, как сам описал это в „Анне Карениной“ в истории с Васенькой Весловским. Впрочем, впоследствии старые недоразумения сгладились...»⁴¹ *. Вот так, спровоцировав в молодости

* Случай этот зафиксирован и в воспоминаниях Т. А. Кузминской (см.: *Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*. М., 1986. С. 278). По уточненным данным, «изгнание» Р. А. Писарева из дома писателя произошло в октябре 1870 г. (Там же. С. 517)... Кстати, мемуары его свояченицы дают нам возможность еще раз убедиться, насколько тесен был тот провинциальный дворянский мир, в котором вращалось семейство Толстых, и как удивительно переплетались отношения внутри него. Оказывается, что мать Р. А. Писарева и, следовательно, прабабка детей И. Л. Толстого, Софья Ивановна Писарева — будущая Раевская — была, по словам Т. А. Кузминской, «близкий друг деда» (т. е. Александра Михайловича Исленьева — деда сестер Берс по материнской линии) и даже выручала его деньгами в моменты карточных неудач (Там же. С. 40). Воистину, какой-то замкнутый круг получается. Именно в нем по большей части Лев Николаевич и черпал человеческий материал для своего романа.

пустяковую историю, уже другой *Раевский* «отобразился» в романе*.

И в заключение еще одна деталь, обнаруживающая новую и прямую связь его отдельных героев с непосредственным окружением *наших* Раевских. Удивительно, но и она как бы вплетается в тот же самый географический контекст. Речь в данном случае идет об образе Яшвина, который «был в полку лучший приятель Вронского» (т. 18, с. 186). Этот гвардейский ротмистр, а затем и полковник, носил явно говорящую фамилию. Ведь всем очевидно, что Яшвин — не кто иной, как Яшвилъ. Спрашивается, имел ли кто-нибудь из членов дворянского рода Яшвилей хоть какое-то отношение к Раевским вообще и убиенному в Сербии, в частности? Имел, и самое непосредственное.

* Раевские незримо присутствуют не только в «Анне Карениной». Так, знаменитые сцены охоты из «Войны и мира» во многом навеяны собственным опытом Толстого. Мы уже приводили свидетельство князя Д. Д. Оболенского о том особом удовольствии, с которым он охотился с его дядей — И. А. Раевским. Продолжим цитату: «Впоследствии многие картины из этих охот вошли в бессмертные произведения автора „Войны и мира“. Можно даже узнать в романе некоторых охотников по их ярким чертам и характерным высказываниям» (*Оболенский Д. Д.* Отрывки (Из личных воспоминаний) // *О Толстом. Международный толстовский альманах.* М., 1909. С. 240). «Читая эти воспоминания, — в унисон вторит С. П. Раевский, родной внук Ивана Ивановича, — нетрудно догадаться, что Толстой при описании охоты Ростовых в „Войне и мире“ использовал те же эпизоды, которые описывает и Оболенский» (*Раевский С. П.* *Семья Раевских...* С. 311). Ну, а где эпизоды, там и люди...

В 1847 г. дочь декабриста, генерал-майора Михаила Федоровича Орлова, и его супруги Екатерины Николаевны (в девичестве Раевской — родной сестры Н. Н. Раевского 2-го) Анна Михайловна вышла замуж за князя Владимира Владимировича Яшвиля (1815—1864), который, следовательно, хотя и был много старше нашего Николая Николаевича, приходился ему двоюродным зятем. Князь Яшвиль сделал успешную военную карьеру. Флигель-адъютант, а позднее Свиты Его Величества генерал-майор, он с конца 1858 г. командовал лейб-гвардии Гусарским полком. И именно он в 1863 г. уговорил братьев Раевских, окончивших к тому времени Университет, поступить к нему в полк, который, как предполагалось, должен был отправиться в восставшую Польшу⁴² *.

Не отсюда ли и проистекает та, почти родственная привязанность Вронского к Яшвину, которую Толстой демонстрирует на протяжении всего романа. Они ведь и в Сербию поехали вместе, но, правда, по разным причинам. Очевидно, что автор «Карениной» был наслышан о

* В посмертной биографии младшего брата Н. Н. Раевского — Михаила Николаевича, составленной из сведений, сообщенных его вдовой, читаем: «Пристрастившись к астрономии, он думал отдаться ученой карьере и со временем занять кафедру в Московском Университете. Но вышло иначе. Родственник Раевских, князь Яшвиль, командовавший в то время лейб-гусарским полком, напоминая М. Н. и его брату Н. Н. доблести их деда и отца, увлек обоих братьев поступить в полк» (Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН — Пушкинского Дома (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 253. Оп. 1. Д. 746. Л. 21).

Николай Николаевич Расветский
в форме лейб-гвардии Гусарского полка.
Рисунок М. Боярского

В. В. Яшвиле, своем очередном *земляке* (к его жене по наследству от матери перешло старинное родовое село Раевских — Якимовское, Каширского уезда Тульской губернии ⁴³ *), что и отразил в художественной форме.

Подводя итог нашему экскурсу в географию, заметим, что, «*Анна Каренина*» — это воистину «наиболее *тульский* из всех романов Толстого», как точно выразился один из исследователей его творчества ⁴⁴...

* * *

Ну, а теперь пришла, наконец, пора обратиться к давно обещанному сюжету, а именно — к «наружности» персонажей. Имеющегося в романе и его черновиках материала, думается, хватит, чтобы провести хотя бы беглое физиономическое исследование образа Вронского и сравнить полученный результат с известными изображениями того, кого мы считаем его прототипом.

Начнем с того, что толстовский герой, несмотря на свою молодость, был лыс — «Вронский действительно преждевременно начинал плешиветь» (т. 18, с. 189). В ранних редакциях романа эта особенность его внешности выражена еще более явственно. «Однако, как ты оплешивел, — сказал Степан Аркадьич, — глядя на его почти голую прекрасной формы голову и короткие черные, курчавившиеся на затылке волосы» (т. 20, с. 27). Автор, как ви-

* Село Якимовское еще в 1736–1737 гг. приобрел бригадир Семен Артемьевич Раевский. Затем, через полковника Н. С. Раевского, бородинского героя Н. Н. Раевского 1-го и Е. Н. Орлову, оно перешло к А. М. Яшвиле — двоюродной сестре Н. Н. Раевского 3-го.

дим, уточняет, что лысеть Вронский начал со лба, а не с макушки, что для нас немаловажно. И далее о том же: «Иван Балашов надвинул прямо с затылка на лысину свою фуражку и вышел, разминаясь ногами» (т. 20, с. 30). Этот-то его *черновой* портрет (в окончательном тексте такие детали отсутствуют) мы и сопоставим с фотографиями Раевского. Всего их две. На более ранней он снят в лейб-гусарской венгерке со шнурами, на другой, сделанной уже в Белграде, — в двубортном сюртуке 7-го линейного батальона. На голове в обоих случаях кепи французского типа (именно такой головной убор, по Уставу, должен был носить и Вронский). Очевидно, что Раевский любил надевать его набекрень, и это облегчает нашу задачу. И что же мы видим? Из-под нижнего обреза фуражки (особенно это заметно при развороте головы на белградский манер) не выбивается ни одной пряди, высокое чело офицера девственно чисто... На наш взгляд, похож.

Вторая деталь внешности, также гораздо больше говорящая о сходстве героев, чем всякие там абстракции о лице типа: «красивое», «твердое», «выразительное» (все это есть у Толстого применительно к облику Вронского), — это борода. В романе он бородат, но как-то неодинаково на всем его протяжении и в сравнении с черновиками. Ощущение такое, что, чем ближе к развязке, тем пристальнее всматривается автор, при изображении лица Вронского, в некий вполне конкретный портрет. В чей же? И когда он мог его видеть?... Ответить на эти вопросы мы предполагаем в русле рассмотрения судеб Раевского и Вронского, связанных уже с Сербской войной. К ним, исчерпав все пункты «классификации» Т. А. Кузминской, теперь и обратимся.

Идентификация (продолжение): судьба

Первая Сербо-турецкая война 1876 г. (или *Сербская*, как тогда говорили в России) и сопровождавшее ее движение добровольцев оказали непосредственное влияние на эпилог «Анны Карениной» — граф Алексей Вронский вместо Туркестана отправляется умирать в Сербию... И здесь должно заметить, что сам Толстой не принял этой войны. По словам супруги писателя, Софьи Андреевны (из ее письма сестре, Т. А. Кузминской), «Левочка странно относился к сербской войне; он почему-то смотрел на нее не так как все, а с своей личной религиозной точки зрения»⁴⁵. Не принял он и добровольческого движения, трактуя его «как одно из постоянно сменяющихся модных увлечений праздного так называемого высшего общества»⁴⁶. Очевидно, что, исходя из собственной философии истории, Толстой крайне поверхностно оценил как события на Балканах, так и отношение к ним в России, попросту их не разумея. Чего, однако, не постыдился признать. «Хорошо тем, которым все это ясно...», — писал он 12 ноября 1876 г. А. А. Фету (т. 62, № 292). Впрочем, это была его универсальная черта, как человека, размышляющего о всякой сфере жизни и мысли. Ю. М. Лотман пишет то же самое о литературе: «Л. Толстой не понимал Шекспира и имел смелость в этом признаться»⁴⁷.

Итак, *не понимать вообще и отвергать* — две различные позиции, зафиксируем это для себя. Если бы мы не делали такой разницы, то пришлось бы согласиться с нашей оппоненткой, вынесшей весьма жесткий и однозначный вердикт: «Вронский, скрепя сердце, фаталь-

но, движимый отнюдь не высокими материями, а побуждениями сугубо личными, отправляется на балканский театр военных действий спасать „братьев славян“. Толстой своему герою не симпатизирует»⁴⁸. Все как будто очень просто. Но почему-то такая одномерность не убеждает до конца. И рука сама тянется к тому переписки Л. Н. Толстого с Николаем Николаевичем Страховым — единомышленником, соратником, глубоким интерпретатором его произведений. «Вронский для Вас всего труднее, — писал Страхов своему адресату, еще во время работы того над „Карениной“, — Облонский всего легче»⁴⁹... Далее, при анализе, мы постараемся руководствоваться как раз этим, лишенным привычных черно-белых характеристик, подходом.

Но для начала проследим динамику финальной стадии работы Толстого над романом. Невероятно, но факт — именно нелюбимая им Сербская война во многом спровоцировала всплеск вдохновения; она же дала конечное направление развитию сюжета. Мы отдаем себе отчет в том, что данный вывод весьма непривычен для традиционного толстоведения, однако, опираясь на факты, все же позволим себе настаивать на этом. Г. Н. Моисеева пишет: «Очевидно, что в то время, когда Л. Н. Толстой заканчивал работу над последней частью „Анны Карениной“, он уже знал, что его герой — Алексей Вронский — погибнет на Балканах»⁵⁰. Знал-то знал, здесь нет никаких сомнений, вот только когда он так решил? Смеем утверждать, что отнюдь не в момент завершения работы «над последней частью» романа, а гораздо раньше. Факты — приватные записи Толстого и его близких — перед нами.

Мы уже говорили, что сначала судьба Вронского должна была решиться в Туркестане — автор посылал его туда. Но что-то произошло, и герой был отправлен умирать в Сербию. Что же? Для ответа на этот вопрос следует проанализировать психологический настрой писателя — хорошо известно, что примерно с 1875 г. его творческая работа шла крайне тяжело: смерть ребенка, любимой тетушки, кризис не могли не подкосить. А роман, между тем, уже печатался в катковском «Русском вестнике». В начале сентября 1876 г. Толстой отбыл в свое самарское имение, дабы отдохнуть — в том числе и «от всей этой сербской бессмыслицы» (т. 62, № 274). 20 сентября он вернулся в Ясную Поляну⁵¹. И что же? Пошла ему на пользу поездка? Как сказать. 10 октября Софья Андреевна извещала сестру о том, что «Левочка за писание свое не взялся, и меня это очень огорчает»⁵². Два дня спустя то же самое — запись в дневнике об унылом, апатичном настроении супруга⁵³. Все так тянулось и далее, столь же безрадостно. Вплоть до поездки Толстого в Москву.

8 ноября он отправился в Белокаменную, где пробыл до 10 числа.⁵⁴ Что двигало им? В письме Фету мы находим ответ: «Ездил я в Москву узнавать про войну. Все это волнует меня очень» (т. 62, № 292). Комментируя данное высказывание, большинство авторов полагает, что речь шла о «назревавшей войне с Турцией»⁵⁵. Вроде бы да, но не все так просто. И в этой связи заглянем в письмо Н. Н. Страхову от 12–13 ноября — важнейший для нас документ. В нем Толстой не только повторил уже известные мотивы своего путешествия, но и дал новую оценку балканским событиям. Итак: «Был на днях в Мо-

скве только за тем, чтобы узнать новости о войне. Все это очень волнует меня. Теперь вся ерунда сербского движения, ставшая историей, прошедшим, получила значение. Та сила, которая производит войну, выразилась преждевременно и указала направление» (т. 62, № 294).

Этот адресованный другу пассаж весьма многозначен. Здесь писатель впервые наделил «сербскую ерунду» немалым смыслом в контексте военных приготовлений России, связав и то, и другое в неразрывное целое. Вооруженная борьба сербов с турками, хотя и закончившаяся поражением, *получила значение*. Она же *указала направление*. И, думается, не одной только русской политике, но и продолжению романа, ведь Толстой реагировал на события прежде всего как художник и лишь затем как политический наблюдатель. Московские впечатления, таким образом, выраженные в послании Страхову с четкостью формулы, привели к повороту сюжета. И судьба графа Вронского была решена.

Данное заключение подтверждается тем еще, что именно после Москвы Толстой преобразился. И как! Ушла апатия, вырос тонус и пошло писание, словно плотину какую прорвало. Все стало ясно — и с войной, и с романом.

Снова откроем его письмо Страхову: «Приехав из Самары и Оренбурга, вот скоро два месяца, я думал, что возьмусь за работу, окончу давящую меня работу — окончание романа — и возьмусь за новое; и вдруг вместо этого всего ничего не сделал. Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныние. Отчаяние в своих силах... Думать даже, и тому нет энергии. Или совсем худо, или сон перед хорошим периодом работы» (там же). Напомним,

это писано автором через два дня после возвращения в Ясную; хорошо видно, *что* с ним творилось до поездки. Но мозг уже работает, переваривая Москву, ее впечатления. И брезжит надежда — может, то был «сон перед хорошим периодом работы»? ... Буквально следующий день внес перелом, сменив вопрос утверждением.

20 ноября Софья Андреевна записала в дневник: «Всю осень он говорил: „Мой ум спит“, и вдруг неделю тому назад (т. е. как раз тринадцатого. — *А. Ш.*) точно что расцвело в нем: он стал весело работать и доволен своими силами и трудом»⁵⁶. И сам Толстой начал вдруг извещать приятелей о переменах в себе. 17–18 ноября он писал Страхову: «Я немножко ожил, дорогой Николай Николаевич, и перестаю презирать себя». Понятно, что речь шла не только о физическом состоянии, но и о «творчестве, которое, льщу себя надеждой, что нашло на меня эти последние дни» (т. 62, № 296). 6 декабря — ему же: «Я, слава Богу, работаю уже несколько времени, и потому спокоен духом» (№ 297). На следующий день — Фету: «Я понемножку начал писать и доволен своей судьбой» (№ 298). 10 декабря — опять Фету: «Работа моя идет хорошо и готово почти на книжку („Русского вестника“. — *А. Ш.*)» (№ 299). О ту же пору — брату, Сергею Николаевичу: «Я долго не мог наладиться, а теперь поехало, и это очень радостное чувство»

* 11 ноября Софья Андреевна писала Т. А. Кузминской: «Левочка совсем не пишет, в унынии, и все ждет, когда уяснится у него в голове и пойдет работа...» (Цит. по: *Гудзий Н. К.* История написания и печатания «Анны Карениной» // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1939. Т. 20. С. 622).

(№ 300). И, наконец, С. А. Толстая — этот наиболее чуткий барометр состояния мужа — успокоенно сообщала сестре в письме от 9 декабря: «„Анну Каренину“ мы пишем наконец-то по-настоящему, т. е. не прерываясь. Левочка оживленный и сосредоточенный, всякий день прибавляет по новой главе»⁵⁷.

О том, сколь высок был этот творческий взлет, Толстой проговорился сам. Много позже, в беседе с писателем С. Я. Елпатьевским, узнав, что тому было сорок восемь лет, он заметил: «Сорок восемь!.. Самое лучшее время моей работы. Никогда так не работал... „Анну Каренину“ писал»⁵⁸...

Начало *такой* его работе положила поездка в Москву. Она же, повторимся, окончательно скорректировала сюжет романа, придав финалу сербский колорит. Впрочем, иначе и быть не могло; только в столице Толстой мог ознакомиться со всеми обстоятельствами смерти Раевского, равно как и с деталями его миссии вообще — осенью 1876 г. они широко освещались в русской печати. О том же, что, вырвавшись из своего захолустья, писатель штудировал прессу, свидетельствует и ответ Страхова на известное письмо. Анализируя приведенную в нем «формулу Толстого», он писал: «Не сумел бы я так хорошо выразить, как Вы, впечатление от газет, но чувствую, какая правда Ваши слова»⁵⁹.

Добавим, что, кроме этих самых газет, в России издавались и многочисленные иллюстрированные журналы. Так вот, по крайней мере в трех из них — «Всемирной иллюстрации», «Пчеле» и «Ниве» — обширные статьи-некрологи сопровождались портретами Раевского. Его лик стал знаменит. На портретах (их мы вкратце уже

касались) — мужественное лицо, голый лоб под сдвинутой на одно ухо фуражкой и густая борода. Спрашивается, мог ли Толстой не заметить этих изображений? Думается, вряд ли. Но тогда, может быть, они как-то отразились в «наружности» Вронского? Текст романа дает возможность поразмыслить и об этом, тем более, что мы обещали вернуться к вопросу о его бороде.

* * *

О плешивости Вронского, почему-то упорно не замечаемой ни театральными, ни кинорежиссерами, выше уже говорилось, но это явление скорее генетическое и имеет объективный характер. Борода же — дело другое. Носить ее или не носить, а если носить, то какую — всецело во власти субъекта. Толстовский герой бороду носил, но, как мы уточнили, не всегда и неодинаковую. Интересно, почему? Разложим все по полочкам. Согласно окончательной версии романа, Вронский сначала бреется (автор дважды упоминает об этом): его «свежевыбритый подбородок» фигурирует во время описания визита к Щербацким (т. 18, с. 55); в другой же раз, наоборот, он садится к столу приводить свои дела в порядок, «не бреясь и не купаясь» (т. 18, с. 319). Заметим, что оба эти упоминания относятся к первой и третьей частям романа, которые писались еще *до* «сербской ерунды».

Но далее, спустя несколько сотен страниц, Вронский — уже с бородой. Мы видим его такого при встрече с Анной в Воздвиженском после возвращения с дворянских выборов: «Ну, я очень рад. А ты здорова? — сказал он, отерев платком мокрую бороду и целуя ее руку» (т. 19, с. 244). Где об этом пишет Толстой? В последней,

тридцать второй главе шестой части. Когда она писалась? Зимой 1876—1877 гг., т. е. *после* возвращения автора из Москвы, поскольку хорошо известно, что начинался его творческий подъем середины ноября с работы над двадцатыми главами части пятой. 20 ноября Софья Андреевна зафиксировала в дневнике: «Сегодня, не пивши еще кофе, молча сел за стол и писал, писал более часу, переделывая главу: Алексей Александрович в отношении Лидии Ивановны и приезд Анны в Петербург»⁶⁰... Решительный вывод явно напрашивается. Однако, пока удержимся и постараемся сделать его еще более убедительным. Для чего необходимо заглянуть в черновики.

Весь фокус заключается в том, что в первоначальных редакциях романа, когда речь идет о бороде Вронского, она у него *всегда* подстрижена, что легко показать. При посещении Щербацких: «... и борода, хотя свежесвыбритая, синела по щекам и подбородку» (т. 20, с. 27). Первое впечатление Анны: «Ее поразила вся фигура Удашева. И поразила приятно. Она не помнила, видела ли она когда-нибудь таких маленьких, крепких, с черной щеткой бороды, спокойных и джентльменов» (т. 20, с. 71). И далее еще одно: «Но эти неизменяющиеся, твердо блестящие глаза. И эта частая щетка бритой бороды на широких скулах» (т. 20, с. 668). *Такая* борода «не мокнет», ее не нужно «вытирать платком».

Ну, а теперь и решительный вывод: обрамление автором дотоле бритого лица Вронского *окладистой* бородой, на наш взгляд, совсем не случайно. Хронология и воспроизведенные отрывки черновиков позволяют предположить, что сделал он это намеренно, под впечатлением знакомства с посмертным портретом Раевского — в

Москве, в ноябре 1876 г. «Наружность» героев, таким образом, окончательно совпала...

И последняя деталь, прямо, как нам кажется, подтверждающая общность судеб полковника Раевского и графа Вронского. Известно, что последний, отправляясь в Сербию, «не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет» (т. 19, с. 356). Деталь, заметим, ключевая и крайне много говорящая о характере Вронского, в которой, как в зеркале, отражена его суть и наши представления о нем. Но об этом чуть позже; сейчас о другом. А именно, нет ли и здесь какой-нибудь связи с поведением реального волонтера? Если просмотреть публикации, помещенные вместе с его изображениями в целом ряде изданий, то она явно прослеживается. И пусть не в буквальном смысле, но по духу. Так, в номере «Всемирной иллюстрации» от 11 сентября, помимо всего прочего, читаем: «Увидя, что война принимает серьезный оборот, он (Раевский. — А. Ш.) поспешил уехать в Сербию, причем взял с собой до 50.000 рублей серебром, для раздачи нуждающимся офицерам»⁶¹. В «Ниве» от 27 сентября та же информация: «Николай Николаевич увез с собой в Сербию 50.000 рублей для оказания помощи нуждающимся».⁶²

Так ли оно было на самом деле, или это — красивая легенда, мы проверить не можем, что, впрочем, не столь уж важно (этических воззрений Раевского в связи с отъездом на войну мы еще коснемся — и они точно соответствуют такому подходу). Но о том, что в видоизмененной форме эта журнальная версия отразилась в тексте завершающих глав, можно, думается, говорить с немалой уверенностью.

* * *

Завершая наши размышления о судьбах Раевского и Вронского, зададимся дилетантским вопросом: а почему, собственно, автор вообще послал своего героя в Сербию? Ведь в момент написания эпилога романа у него уже был выбор для решения вопроса, куда отправить Вронского на погибель — начиналась Русско-турецкая война. Сын писателя Илья Львович вспоминал: «Когда отец работал уже над восьмой частью „Анны Карениной“, в России шла турецкая война»⁶³. И Софья Андреевна, через три дня после объявления Манифеста о ней, извещала сестру, что Лев Николаевич «пишет эпилог к „Анне Карениной“»⁶⁴... Хорошо, пусть не на войну, но хотя бы в действующую армию он ведь мог его направить, ибо решение о частичной мобилизации было принято еще 1 ноября. Тем более, что и наглядный пример был под рукой: родной брат А. А. Фета, Петр Афанасьевич Шеншин, побывавший и в Герцеговине, и в Сербии, в январе 1877 г. поступил волонтером в казаки — тогда отдельные части русской армии «на всякий случай» концентрировались в Молдавии⁶⁵. Толстой же крайне интересовался его судьбой, постоянно запрашивая о нем Фета. «Что Петр Афанасьевич? Нет ли известий?» — писал он ему, к примеру, 12 января (т. 62, № 304).

Как видим, варианты были, простор для авторского маневра имелся, а потому твердый выбор Балкан для финала в который уже раз доказывает тот тезис, что чаша никак и не могла миновать Вронского, поскольку туда уехал и оттуда не вернулся его «верный» прототип.

Существует, однако, иная версия. Мы уже упоминали о попытке мотивировать «фатальный, скрепя сердце»,

отъезд Вронского тем, что «Толстой своему герою не симпатизирует»⁶⁶. «По мысли Толстого, — комментирует детали его отправки в Сербию другой автор, — это предел духовного падения человека, его нравственная смерть»⁶⁷. И, наконец, Толстой «наказывает возлюбленного Анны», заставляя «бороться за дело, бессодержательность которого разоблачена в романе устами Константина Левина», и посылая «с эскадронам, на вербованным за собственный счет, сражаться за „братьев-славян“». Из этого следует, что «Вронский в конце романа не просто жалок, но и смешон»⁶⁸... Итак, Сербия — это своего рода позорный столб, к которому в финале Толстой пригвождает духовно падшего и жалкого Вронского. Добровольческое же движение — оперетта, заслуживающая не только осуждения, но и осмеяния. И Левин в этом деле — рупор писателя. Как же, «в романе Левин относится с осуждением к этому добровольческому движению и даже с некоторой насмешкой, в которой выражается взгляд Толстого»⁶⁹. Сплошное морализаторство, одним словом.

Что на это ответить? Вспомним здесь Н. Н. Стрехова — «Вронский для Вас всего труднее...». Почему? Да потому, что его образ сложнее всех — он *неопределим*⁷⁰, т. е. не сотворен раз и навсегда, но по ходу романа снова и как бы заново творится, причем не только в саморазвитии, но и в отношении к нему автора. Это, на наш взгляд, тот персонаж, превратить который в олицетворение отвлеченного начала возможно менее всего. А раз так, то и живет он по своим, чисто *человеческим* законам, не вписываясь в привычную черно-белую схему, в заданный ряд симпатий и антипатий писателя. Один из

близких знакомых Толстого, Г. А. Русанов, вспоминал, как в 1883 г. тот обронил: «Вообще, герои и героини мои делают иногда штуки, каких я не желал бы; они делают то, что *должны делать в действительной жизни и как бывает в действительной жизни*, а не то, что мне хочется (выделено нами. — А. Ш.)»⁷¹. И более всего, думается, это вскользь брошенное признание относится как раз к «Карениной», где, в отличие от других произведений, «авторская оценка героев и их поступков сведена к минимуму»⁷².

Тот же подход справедлив и в отношении финала — далеко не все так просто с проводами Вронского на Балканы, да и с самим Толстым, когда он пишет о них. С одной стороны, герой действительно уезжает с Яшвиным, который «все проиграл и собрался в Сербию» (т. 19, с. 360). Но с другой — он ведет с собой целый эскадрон. Как-то нелогично получается. Почему в своем порыве Вронский жалок, смешон и даже нравственно мертв? Из чего это следует? Трудно сказать, и потому никак не отпускает ощущение какой-то заданности, желания додумать за автора. Отметим здесь всего три момента, причем, без всякого намерения кому-то что-то доказать — *любая субъективная позиция* (и наша в том числе) отнюдь не бесспорна.

Во-первых, тот же эскадрон. В этой детали, а она совсем не случайна (Толстой повторяет ее трижды), органично проявилась характернейшая черта Вронского — ко всему относиться серьезно. Поездка в Сербию — не шаг отчаяния⁷³, не попытка заработать славу или скрыться от кредиторов. Для Вронского — это *дело*. Несмотря ни на что. В плане эпилога писатель прямо говорит:

«Вронский угрюмый. Жизнь моя мне не нужна, так отдать ее за дело» (т. 20, с. 12). Перед нами еще один пример цельности героя, какую мы не раз уже в нем отмечали. Даже в экстремальных условиях он не изменяет себе. «Я никогда не любила его. Но это выкупает многое. Он не только едет сам, но эскадрон ведет на свой счет» — говорит старая княгиня Сергею Ивановичу Кознышеву (т. 19, с. 356). И нам почему-то кажется, что слова Ее Сиятельства окрашены авторским настроением.

Во-вторых, сам Вронский в контексте добровольческого движения, которое под пером Толстого действительно выглядит крайне непривлекательно. На фоне молодого купчика, промотавшего все свое состояние; вчистую проигравшегося Яшвина; недоучки артиллериста; или «солдата бессрочного, пьяницы и вора, которого никто уже не брал в работники», Вронский, с его «постаревшим и выражавшим страдание лицом» (т. 19, с. 356), подлинно трагичен. И потому, источая неприкрытый сарказм при описании путешествия добровольцев (что постоянно «прикладывались к фляжке дорогой»), автор не проронил ни слова насмешки в его адрес. Он даже едет как-то подчеркнуто сепаратно, в отдельном купе, демонстрируя свою полную отстраненность — причем не только от новых «соратников», но и от писателя с его отношением к ним. Так, выбившись из заданной системы предпочтений, герой продолжает жить своей собственной жизнью. Прав коллега-историк, заметивший, что война на Балканах — «это выбор именно Вронского, а не Толстого»⁷⁴.

И, в-третьих, «разоблачение» Константином Левиным «бессодержательности» Сербской войны. Спор в Покров-

ском — мировоззренческий акцент в эпилоге. И здесь многочисленные комментаторы романа совершенно правы. Вот только чем он завершается? И о чем вообще идет речь? За всеми затронутыми в том разговоре сюжетами — славянским вопросом, добровольцами, помощью сербам и отношением к этому народа, — на которые Левин смотрит глазами типичного либерала-изоляциониста (*«непосредственного чувства к угнетению славян нет и быть не может»*), что вполне соответствовало настроением одного из сегментов русского общественного мнения, угадывается глобальная проблема — проблема войны в целом. Именно в подходе к ней более всего проявилась личная позиция Толстого, а, точнее, столь свойственные ему тогда сомнения и колебания.

«— Но ведь не жертвовать только, а убивать турок, — робко сказал Левин. — Народ жертвует и готов жертвовать для своей души, а не для убийства, — прибавил он, невольно связывая разговор с теми мыслями, которые так его занимали...

— „Я не мир, а меч принес“, говорит Христос, — с своей стороны возразил Сергей Иванович, просто, как будто самую понятную вещь, приводя то самое место из евангелия, которое всегда более всего смущало Левина» (т. 19, с. 391).

И все, спор как-то быстро свернулся упоминанием о том, «что тучки собрались и что от дождя лучше идти домой» (т. 19, с. 392). Никто никого в своей правоте не убедил, так где же «разоблачение»? Потом Константин Дмитрич по инерции еще долго размышлял, сплетя це-

лую сеть аргументов, призванных подкрепить его пацифизм. Но «все это были мысли, которые ничего не могли решить», т. е. *доказать* всю ущербность мнения оппонентов. «Нет, мне нельзя спорить с ними, — подумал он, — на них непроницаемая броня, а я голый» (т. 19, с. 392).

Этот неуверенный подход Левина, эта неготовность, если не боязнь, открыто его высказать и защитить, отражали то двойственное отношения к войне, которое в период написания эпилога «Карениной» испытывал сам Толстой. Война-то ведь уже шла. И что мы видим — ее отрицание? Ничуть не бывало. Через несколько дней после объявления царского манифеста Софья Андреевна пишет сестре: «Левочка ... говорит, что война настоящая и трогает его»⁷⁵. Еще неделю спустя, в письме к А. А. Толстой, писатель лично делится своими ощущениями: «Как мало занимало меня сербское сумасшествие и как я был равнодушен к нему, так много меня занимает настоящая война и сильно трогает меня» (т. 62, № 326). Старший сын, Сергей Львович, фиксирует в мемуарах тот же настрой: «Турецкая война была в полном разгаре, и отец горячо ею интересовался»⁷⁶.

Со временем интерес этот перешел в тревогу и беспокойство, настолько сильное, что Толстой был вынужден на время оставить обычные занятия. 12 сентября супруга записала в дневник: «Л. Н. говорит: „Пока война, ничего не могу писать, так же, как если пожар в городе, то нельзя ни за что браться, и все тянет туда...“»⁷⁷. И ведь действительно тянуло. Мало кто знает, что он сам чуть было не отправился на фронт («убивать турок», надо полагать), на те же Балканы, которые так сильно не

любил, но куда год назад послал своего героя. Лишь с огромным трудом Софья Андреевна уговорила не ехать * ...

Итак, что касается эпилога, то очевидно одно — и с Вронским, и с Левиным все совсем не так просто и однозначно, как это представлено в большинстве литературоведческих трудов. Ведь на поверку оказалось, что в финале романа Вронский не только не смешон и не жалок, но даже «нравственно жив», поскольку он делает то, что «должен делать в действительной жизни». Искать же здесь какие-то осудительные подтексты и приговоры — занятие непродуктивное. Тем более, что и его реальный прототип из «действительной жизни» нам прекрасно известен. Об этом, думается, уже можно говорить с полной уверенностью.

Именно к нему — Н. Н. Раевскому — мы, наконец, и вернемся. Познакомившись выше с его краткой биографией и отметив некоторые черты деятельного и крайне динамичного характера, постараемся теперь проникнуть глубже, т. е. выйти на уровень мотивации его поступков.

* Журналист суворинского «Нового времени» Алексей Ксюнин, побывав в Ясной Поляне сразу после похорон Толстого, записал разговор с вдовой. В нем, помимо всего прочего, «вспомнили войну».

«— Вы, вероятно, не знаете, — говорит Софья Андреевна, — ведь Лев Николаевич хотел идти в ряды армии в Турецкую войну. „Вся Россия там, и я должен идти“.

— Каких только трудов стоило уговорить его остаться, объяснить, что своим пером он может принести большую пользу России...» (Ксюнин А. Уход Толстого. СПб., 1911. С. 36).

Убеждения

Так кто же он был, что двигало им в его постоянной «охоте к перемене мест»? И что привело, наконец, в Сербию, откуда живым он уже не вернулся?

Понять внутренний мир Раевского и разобраться в его порывах позволяет прекрасная психологическая зарисовка, сделанная знаменитым пушкинистом Б. Л. Модзалевским. Представив в контрастном свете черты двух братьев, он слепил в ней привлекательные, каждый по-своему, образы обоих. Итак: «Вообще говоря, романтическая, исполненная исканиями жизнь Н. Н. Раевского выступает ярче, чем фигура его младшего брата — более уравновешенного и спокойного по своему характеру Михаила. Идеалист, мечтатель, поэт и музыкант, он остается как-то в тени рядом с постоянно мятущимся, постоянно стремящимся в неизведанные дали, волнующимся и волнующим окружающих Николаем Раевским^{*}. В то время, как Михаил Николаевич, отдавшись по окончании

* В неопубликованной части архива Раевских сохранилась копия приказа по Гусарскому полку от 2 июня 1865 г., в котором поручику Раевскому 1-му, от имени начальника 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, объявлялось семь суток ареста с содержанием на гауптвахте (ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 545. Л. 2). Мы не знаем проступка молодого офицера, но можно с уверенностью говорить, что наказание его было связано именно с этой, присущей ему привычкой «волноваться и волновать окружающих». С другой же стороны, совершенно невозможно себе представить, чтобы подобная кара когда-либо постигла его младшего брата — поручика Раевского 2-го.

курса службе в полку (в том же самом, лейб-гвардии Гусарском. — *А. Ш.*), ведет жизнь совершенно мирную и рано становится семейным человеком, его брат ищет простора для своей широкой предприимчивости, бросает гвардейский гусарский полк для службы в дальнем Туркестане, с отличием участвует затем в походе на Китаб, увлекается разведением хлопка и винограда в Туркестане, устраивает в Ташкенте Отдел „Общества для содействия русской торговле и промышленности“, в котором, как председатель, старается развить энергичную деятельность, а в приезды свои в Петербург выступает то в печати, то в общественных собраниях с различными проектами и предложениями». И далее: «Рано почувствовав интерес к судьбам славянских народов — интерес, зародившийся в нем еще в студенческие годы, в кружке и под влиянием И. С. Аксакова, а в 1867 г. совершив поездку на Балканский полуостров — Раевский, естественно, не мог остаться хладнокровным зрителем возникшего в 1875 г. славянского движения (т. е. восстания в Герцеговине. — *А. Ш.*) и начавшейся вскоре войны сербов с турками за освобождение»⁷⁸.

И еще одно наблюдение, как бы синтезирующее сказанное выше, — «Раевский был личностью далеко незаурядной. Он принадлежал к числу тех редких русских натур, которые всю жизнь неустанно ищут себе живого дела и, раз остановившись на чем-то, готовы вложить в него всю свою душу»⁷⁹.

Для нас эти свидетельства, рисующие характер Н. Н. Раевского, чрезвычайно важны, поскольку помогают объяснить ту глубокую увлеченность, с какой он отдался славянскому делу, вложив в него не только «всю

свою душу», но и жизнь. Тем более, что у истоков этого увлечения стоял не кто иной, как сам И. С. Аксаков — Раевского вели по жизни действительно первоклассные учителя...

Они познакомились в начале 60-х годов, правда, сначала заочно. 15 октября 1861 г., как известно, в свет вышел первый номер знаменитого аксаковского «Дня». И уже в нем был опубликован материал за подписью Раевского. В письме дальнему родственнику последнего — протоиерею русской посольской церкви в Вене Михаилу Федоровичу Раевскому — Аксаков отозвался о нем крайне лестно: «Самые лучшие корреспонденции в моей газете были — написанные неким Раевским. Знакомы ли вы с ним? Парень дельный, и перо у него живо и искренно. Его письма прочтены всеми с удовольствием»⁸⁰. Именно так маститый литератор оценил опыт студента, которому едва минуло двадцать два года. Тогда же, судя по всему, произошла их личная встреча. Тем более, что жили они в то время совсем рядом: в Москве, на Спиридоновке. Раевский — в родительском доме, Аксаков — в арендованной для нужд редакции квартире, буквально по соседству.

А спустя всего несколько месяцев, 13 февраля 1862 г., Николай Николаевич сделал еще один шаг в избранном направлении — вступил в Московское славянское благотворительное общество (Аксаков являлся тогда его секретарем и казначеем), сразу же предложив ряд мер по организации обучения православных славян. «В Париже, — мотивировал он свое предложение, — возникло общество для обращения болгар в католичество». Причем, «иезуиты не только обещают болгарам все, но и

удовлетворяют их любовь к просвещению». «Неужели, — с жаром вопрошал совсем юный докладчик солидную и титулованную аудиторию, — иезуиты окончательно восторжествуют? А мы останемся равнодушными свидетелями до тех пор, когда уже будет поздно подать этим народам руку помощи, когда все связи, соединяющие их с нами будут разорваны?» Дабы такого не произошло, Раевский и предлагал: «1) содержать на счет общества в духовных академиях и университетах молодых людей из подвластных Турции славянских племен; 2) печатать на языках болгарском и сербском сочинения духовного, исторического и литературного содержания; 3) поддерживать существующие в Турции православные училища»⁸¹ *.

Что из всего этого следует? А только то, что идейно Н. Н. Раевский сформировался на удивление быстро, найдя свое место и уже в самом начале публичной деятельности обнаружив умение мыслить масштабно, но при этом весьма конкретно. Данную особенность мышления мы зафиксируем еще не раз.

* Любопытная и важная, опять-таки с точки зрения возможности передачи информации, деталь — на *том же* заседании, что и Раевский, т. е. 13 февраля 1862 г., в члены Московского славянского общества, внося 25 рублей, вступил и Петр Федорович Самарин — старинный, как уже упоминалось, друг Толстых. (Протокол заседания Славянского общества или благотворительного комитета. 13 февраля 1862 г. // Отчет и протоколы Славянского общества. М., 1862. С. 4). Заметим, что именно в начале 60-х годов он посещал их особенно часто (*Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне... С. 245, 262*).

Кстати, ко времени вступления в члены Славянского общества относится его новое и не менее важное знакомство — с М. Г. Черняевым (будущим покорителем Ташкента и незадачливым сербским главнокомандующим), который в начале 60-х годов всерьез увлекся славянофильскими идеями*. Знакомство это для нашего героя станет в какой-то мере роковым. Но произойдет это позже...

* * *

Еще более наглядно степень погружения Раевского в славянскую проблематику демонстрирует упомянутая Б. Л. Модзалевским его секретная миссия на Балканы. Причем — существенная для понимания будущих событий деталь — как офицер, он предпочитал *практическое* действие.

Напомним, что 1867 год в европейской Турции — это время складывания Балканского союза, готовившего под руководством сербского князя Михаила Обреновича и его первого министра Илии Гарашанина общебалканское восстание против турок. Аксаков находился в связи с организацией И. Гарашанина и был в курсе всех приготовлений**. А потому нет ничего удивительного в том, что «в

* Особое впечатление на Черняева произвел выход первого номера газеты «День» (см.: Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву (предисловие А. М. Черняевой) // Русский архив. 1914. № 1. С. 27–28). И, словно идя стезей Раевского, он сразу же вступил в Московское славянское общество (Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 59–60).

** В прямой контакт с готовившими восстание сербскими деятелями И. С. Аксаков вошел еще в 1860 г. При этом, в сношениях с ними

разведку» на место предполагаемых событий он послал своего ученика — блестяще образованного военного специалиста. В апреле штабс-ротмистр Раевский прибыл в Бухарест, где вступил в связь с болгарской «Добродетельной дружиной», ставившей целью освобождение своей страны от турецкого ига... Все эти действия хорошо известны историкам. Им неведомо другое, а именно — что поездка его во многом была шагом вынужденным, точнее вторичным, поскольку вначале планировалось совсем не это «одиночное плавание», а нечто иное. Но что же?

Предполагалась куда более масштабная акция, душой которой были Раевский с Черняевым, уже увенчанным ташкентскими лаврами. Дело в том, что еще 3 февраля 1867 г. Раевский подал на имя директора Азиатского департамента МИД России П. Н. Стремоухова записку «О необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок»⁸².

«В виду постоянно усиливающегося волнения на Балканском полуострове, — читаем в ней, — всякому становится ясным, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее восстание христиан против мусульманских властителей», которое «уже не ограничится испрошением каких-нибудь прав», но «будет иметь целью совершенное освобождение христианских племен от турецкого ига». «Для России, — полагал автор, — такое разрешение Восточного вопроса было бы как нельзя желательнее не только с точки зрения человеколюбия, но и с точки зрения ее собственных интересов». И далее он

его фигура «заслонила собой славянский комитет» (см.: *Никитин С. А. Славянские комитеты в России... С. 147–152*).

предлагал «меру, которая, будучи принята нашим правительством, должна обнаружить весьма важное влияние на успешный ход восстания».

Мера эта, как видно из названия документа, — «отправка в Сербию и другие славянские земли Турции нескольких десятков опытных офицеров всех родов оружия для обучения и начальствования сербскими войсками и ополчениями в предстоящую народную войну». Что имелось в виду конкретно? «Избрать одного опытного и способного штаб-офицера или генерала, пользующегося общим доверием, и поручить ему ведение всего этого дела. Для этого он должен был бы выбрать из числа желающих нужное число офицеров и с ними отправиться в Турцию для принятия под свое начальство и заведывание теми войсками и милициями, которые будут поручены ему сербским правительством. Такой образ действия имел бы ту выгоду, что не все желающие, а только лучшие из них были бы допущены к отправлению в Турцию. И эта горсть отборных офицеров, соединенных под одним общим начальством, могла бы принести делу гораздо более пользы, чем целые сотни офицеров, брошенных в этот край и предоставленных там самим себе, без всякой связи и поддержки».

В заключение своей записки Раевский предостерегал: «Ко всем этим мерам следует приступить немедленно, так как события не ждут и вполне может статься, что восстание в Сербии и соседних с нею областях вспыхнет уже в марте, тотчас после таяния снегов, в каком случае помощь наша могла бы прийти решительно поздно». И еще резон: «Заблаговременное прибытие наших офицеров в Сербию имело бы еще ту хорошую сторону, что дало бы им возможность ознакомиться сперва с положени-

ем края и заняться организацией самих войск, чего они никак не смогут сделать, если придут туда только к открытию военных действий».

Заметим, что данное предложение Раевского не было его личной инициативой — сербские власти, как официально, так и в частном порядке, не раз обращались в Петербург с просьбой о присылке специалистов для оценки военных возможностей Княжества⁸³. Он лишь развил уже известные мысли, доведя их до логического конца (в чем явно просматривается математический ум), и трансформировал идею чистой инспекции в проект максимально эффективного и действенного использования целой группы боевых офицеров. При этом автор записки предельно корректен политически, стремясь никак не навредить высшим интересам России: «Такая мера могла бы быть принята нашим правительством без явного нарушения миролюбивых отношений, в которых оно находится теперь к турецкому правительству. Для этого достаточно было бы разрешить желающим брать отпуск за границу (в крайнем случае брать отставку), с тем однако, чтобы время отсутствия их было им зачтено за службу, и чтобы они не лишались чрез это прав и преимуществ, присвоенных им во время нахождения их на военной службе».

Перед нами — не что иное, как фактический набросок того порядка, что ляжет в основу русского добровольческого движения девять лет спустя, в 1876 г. Но тогда, увы, подкачает исполнение.

Пока же с запиской Раевского знакомятся весьма влиятельные круги — ее копии мы находим в бумагах военного министерства и личном фонде тогдашнего посла

России в Константинополе графа Н. П. Игнатьева. Последнее отнюдь не случайно. В написанных уже на склоне лет воспоминаниях военный министр Д. А. Милютин отмечал, что тот «оказывал явное покровительство вожакам славянского движения. Он давал советы сербскому правительству и даже поручил нашему военному агенту в Константинополе полковнику Франкенин проектировать для сербов целый план кампании»⁸⁴. Раевский, как видим, искал и находил единомышленников.

А тем временем в рамках разработанного плана был сделан следующий шаг. 7 марта получивший за взятие Ташкента генеральские эполеты Черняев обратился с письмом к сербскому князю Михаилу Обреновичу. «Воодушевленный желанием посвятить себя великому делу, — писал он, — которого Вы являетесь представителем и защитником, смею надеяться, что Вы не откажетесь от предложения моих услуг и прошу Вашу Светлость располагать мною и моей готовностью явиться в Сербию немедленно, как в мирное, так и в военное время»⁸⁵. Монарх согласился и, благодаря генерала за предложение, просил его взять отпуск и приехать в Белград. Свое ответное письмо он отправил через русское посольство в Константинополе, причем Игнатьев сопровождал его особой запиской⁸⁶.

Но не тут-то было. По получении в Петербурге, послание князя было вскрыто, а его содержание немедленно сообщено Д. А. Милютину — давнему антагонисту Черняева. Сцена была бурной, и в результате Дмитрий Алексеевич с Михаилом Григорьевичем окончательно рассорились: один назвал другого изменником, другой в ответ на это подал в отставку⁸⁷. Чего здесь было больше

в поступке министра — принципиальности или личной ненависти, сказать трудно, тем более, что Александр II отнесся к замыслу Черняева в общем-то снисходительно.

Как бы там ни было, план Раевского-Черняева в его *широкой* версии сорвался, на что отставной уже генерал заметил: «Больно видеть, как упущено золотое время, почти ничем не вознаградимое»⁸⁸. В российской политике победила *узкая* опция — в ответ на просьбу сербов к ним была послана специальная миссия во главе с полковником Леером для экспертизы военного положения страны и конкретной помощи на месте⁸⁹ *. В этих условиях Раевский и отправился на Балканы — неофициально и ранее миссии. Он хотел все увидеть лично, так сказать, «ознакомиться с положением края». Аксаков передал ему свои связи. Начиналось то самое «одиночное плавание»...

Итак, посетив весной 1867 г. Бухарест и Константинополь и установив нужные контакты, посланец Славянского комитета подготовил «Проект организации восстания на Балканском полуострове». Датированный 20-м апреля, документ предназначался «для подачи генералу Игнатьеву» (АР, т. V, с. 483). Копия же была послана Черняеву, в архивном фонде которого хранится и поныне⁹⁰. Ознакомление с текстом показало, что разработанный Раевским план был в высшей степени оригинален.

Из его преамбулы следовало, что в первую очередь анти-

* Нам думается, что на принятие решения о направлении в Сербию русской военной миссии записка Раевского какое-то влияние оказала. По крайней мере, ее копия обнаружена нами не где-нибудь, а среди донесений командированных офицеров.

турецкому возмущению подлежала Болгария, движение в которой стало бы началом общебалканской акции. При этом, учитывая разделенность территории страны на низменную часть и горы, организовывать борьбу предполагалось двояким образом: «В *горной* части должно быть теперь же положено основание *партизанским* действиям, которые, начавшись сперва в форме гайдучества, должны мало помалу возрасти до самых обширных размеров (здесь и далее выделено в оригинале. — А. Ш.). В *долинах*, до поры до времени, должно избегать всяких столкновений с турками, так как борьба с ними в открытой местности невозможна до тех пор, пока сербские войска не вступят в пределы Болгарии». Это, так сказать, общая диспозиция. Для успешного же «устройства восстания» в горах документ предусматривал целый ряд мер. Всего их было пять.

В качестве главной задачи он определял формирование «*партизанских отрядов*» и набор волонтеров «из горной и низменной части Болгарии, из Сербии, Черногории и других славянских стран», а также доставку оружия, как сухим путем — из Молдавии, Валахии и Сербии, так и морем — через Варну и Бургас, где с этой целью следовало держать специальных агентов.

Далее предполагалось одновременное начало и единство партизанских действий, для чего «весь хребет на пространстве от Черного моря и до границ Сербии, должен быть разделен на несколько частей, из которых каждая должна быть поручена одному опытному офицеру из числа болгар, сербов или русских». В их тесном общении друг с другом и взаимной координации планов автор «Проекта» видел неперемutable условие синхронности акции. В случае же недостатка офицеров следовало разде-

лить всю цепь Балкан на семь более крупных округов: от Сливенского и Габровского — на востоке, до Пиротского и Нишского — на западе.

Верховное военное руководство операциями повстанцев планировалось возложить на «более опытного и сведущего офицера» — через него «должны производиться все сношения действующих в горах отрядов с городскими комитетами, которые будут снабжать их оружием и припасами». Кроме того, «на обязанности этого начальника будет лежать сговориться с сербами на счет предстоящего образа действий и поддерживать постоянное соглашение с ними для успеха общего дела».

Для того же, чтобы «с самого начала придать восстанию несколько *точек опоры*, которые бы облегчили формирование партизанских отрядов и их первоначальные действия», эмиссар Аксакова полагал необходимым «отправить на Балканы несколько сотен *черногорцев* (прирожденных воинов, имевших большой опыт повстанческой борьбы с турками. — А. Ш.), распределив их малыми партиями на всем протяжении от Черного моря и до границ Сербий». Эти небольшие группы, утверждал он, «принесли бы ту пользу, что образовали бы собою ряд маленьких центров», вокруг которых «не замедлили бы собраться толпы болгарских волонтеров».

И, наконец, последний пункт проекта, касающийся «способа ведения войны». Он явно заслуживает того, чтобы привести его полностью. Итак, «самый *способ ведения войны* должен состоять в начале только в том, чтобы нападать на турецкие пикеты и небольшие отряды, перехватывать почты, транспорты с оружием и припасами и вообще наносить всевозможный вред Турецкому

Памятный знак на месте гибели Н. Н. Раевского

Монастырь св. Романа. Современный вид

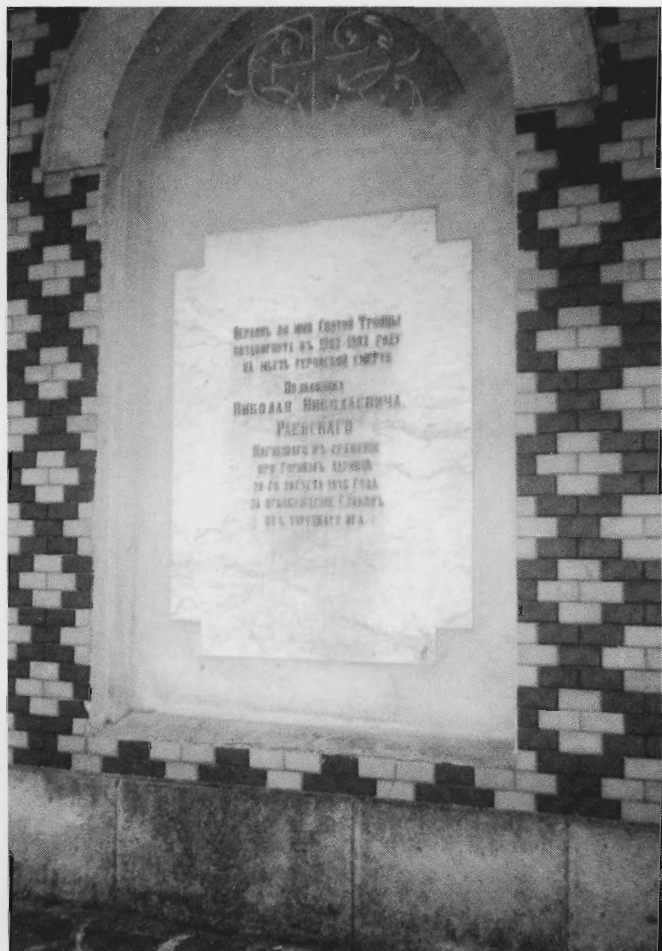
Временная могила Н. Н. Раевского в монастыре св. Романа. Современный вид

Церковь Святой Троицы. Современный вид

Липовая аллея (вид от церкви). Слева — развалины школы.

Церковь Святой Троицы. Деталь. Современный вид

Церковь Святой Троицы. Деталь. Современный вид

Могила первого настоятеля церкви Святой Троицы
протоиерея Светислава Жуевича. Современный вид

правительству. В то же самое время должно воздерживаться от нападения на турецкие деревни, и от всяких враждебных действий против турецкого населения, стараясь напротив сблизиться с ним и повторяя при всяком удобном случае, что настоящая война отнюдь не есть война религиозная, а что цель ее избавиться от притеснений чиновников, которые своими беспрестанными поборами разоряют как христианское, так и мусульманское население и довели наконец край до совершенного истощения».

Как видим, наряду с предложением целой системы продуманных и по-военному четких мер по организации и тактике восстания (каковое, под пером автора «Проекта», приобретало некий общеславянский оттенок — болгары, сербы, черногорцы, русские), он не забывал и о его идеологическом обеспечении, стремясь заручиться, если уж не поддержкой, то хотя бы нейтралитетом турецкого населения. Весьма редкая в ту пору и всегда похвальная политическая дальновидность.

Закончив работу над «Проектом организации восстания», Н. Н. Раевский 26 апреля отбыл из Константинополя. Весь май и начало июня он провел в Сербии и Боснии. Поездка по западным Балканам носила инспекционный характер и, по всей видимости, была одобрена на самом высоком уровне — в Государственном архиве в Белграде сохранились четыре письма русского офицера сербскому военному министру Милюе Петровичу-Блазнавцу*. Их

* В своем первом письме сербскому министру из Чачка от 15 мая Раевский приоткрывает характер и обстоятельства своего путешествия: «Прежде всего позвольте выразить Вам глубокую бла-

разыскала и ввела в научный оборот сотрудница архива Вера Митрович⁹¹. О чем же шла речь в тех письмах?

Во-первых, объезжая места дислокации воинских частей и наблюдая за их учениями, гость делился с министром своими впечатлениями от увиденного. Но не только. Отталкиваясь от них, он разработал детальный план реформирования сербской кавалерии (на основе использования русского опыта) с целью поднятия ее боевых качеств. И, наконец, «имея в виду, что Босния в очень скором времени станет театром военных действий между Сербией и Турцией», Раевский представил Блазнавцу информацию о наличии и состоянии дорог за Дриной. Мало того, он даже составил целый список путей сообщения с сербской стороны, которые следовало срочно реконструировать для беспрепятственной переброски войск на боснийскую границу и далее, когда наступит «время Ч».

Такой подход к делу, проявленный Раевским в переписке с военным министром Княжества, свидетельствовал о его несомненном стратегическом мышлении, а также компетентности, понимаемой как отсутствие ил-

годарность за все, что Вы сделали для облегчения моей поездки по Сербии. Столь сердечные встречи, которых я был удостоен на протяжении всего пути от Шабца до Ужице, причем как со стороны властей и офицеров, так и населения, превзошли все мои ожидания. Я знаю, что обязан за это исключительно Вашей любезности» (*Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр. 2–3. С. 243). Тогда же наш путешественник сообщил Блазнавцу о письме, которое получил от него (там же).

люзий, свойственных большинству славянофилов, и признание необходимости всесторонней подготовки каждого серьезного шага. Не случайно, ознакомившись с реальным положением дел в сербской кавалерии, он высказал весьма трезвое суждение относительно сроков завершения ее возможной перестройки: «Если упорно работать осень и зиму, при полной самоотдаче офицеров и солдат, то к будущей весне появится хороший полк регулярной конницы, полностью готовый сразиться с неприятелем»... В этих своих выводах Раевский по существу предвосхитил весьма схожие заключения официальной военной миссии о состоянии сербской армии в целом.

И не его вина, что практические наработки остались без применения — в ноябре 1867 г., несмотря на протесты из Петербурга, главный «архитектор» Балканского союза Илия Гарашанин был уволен в отставку, что означало усиление в Сербии австрийского влияния. В стране начался внутренний кризис, разрешившийся в конце концов 29 мая 1868 г. убийством князя Михаила Обреновича в Топчидерском парке под Белградом. Планы антитурецкого выступления были сданы в архив. На время.

Как бы там ни было, авторитетный исследователь истории славянских комитетов в России С. А. Никитин назвал балканские деяния Н. Н. Раевского и стоявшего за ним И. С. Аксакова «самыми крупными актами политической деятельности комитетов, за исключением съездов 1867—1868 гг.»⁹². И это при том, что ученый даже не подозревал о поездке офицера в Сербию и Боснию, оценив один только болгарский эпизод...

Приведенные факты, думается, более чем наглядно подтверждают ту глубокую мотивированность и осознан-

ность выбора, сделанного Раевским девять лет спустя (в 1876 г.), когда в отношениях между Сербией и Турцией все-таки наступило «время Ч». Никакой иной реакции, кроме решения тут же отправиться на место событий, ожидать от него не приходилось. И негласное разрешение правительства русским добровольцам ехать на Балканы устранило, как писал он матери 24 июня 1876 г., «последнее препятствие, удерживавшее меня еще от поездки в Сербию». Ее же Раевский рассматривал, как «попытку осуществить те мечты, которые меня с детства воодушевляли^{*}; поэтому я решился уехать отсюда как можно скорее»⁹³. Немаловажен для него и чисто этический аспект (кто когда об этом думал?). Так, он сообщал Анне Михайловне, что собирается «взять с собой достаточную сумму денег, дабы явиться в Сербию волонтером, ни в чем не нуждающимся, а не авантюристом, продающим свои услуги сербскому правительству»^{**} (АР, т. V, с. 582—583). Не правда ли, перед нами — четкая, выве-

* В подтверждение тезиса о «воодушевлении» Н. Н. Раевского приведем еще одну показательную деталь — 22 февраля 1869 г. он, одним из первых, вступил в члены Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Первые пятнадцать лет существования Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. СПб., 1883. С. 853).

** Шла ли в данном случае речь о пятидесяти тысячах рублей, о которых, как помним, писали газеты после смерти Раевского — неизвестно, поскольку конкретные суммы в доступных нам источниках не фигурируют. Сам же такой его подход, повторимся еще раз, вполне соответствовал решению Вронского сформировать за свой счет эскадрон.

ренная во всех деталях *позиция*. И сразу же, как прямое ее продолжение, следует отставка, зачисление в сербскую армию и скорый отъезд на фронт. Туда, в долину реки Моравы, к генералу Черняеву, мы за ним и отправимся. Жить «графу Вронскому» оставалось всего 14 дней.

Сербская война

Прибыв в расположение Тимокско-Моравской армии (именно так она официально называлась), Н. Н. Раевский получил под свою команду правый фланг обороны и уже три дня спустя показал себя в деле. 9 августа главнокомандующий писал ему из Алексинца: «Без высоты, которую Вы так славно сегодня обороняли, мы не можем держаться в Алексинце. Кроме Вас мне некому поручить командования... Посылаю Вам Таковский крест. Пусть он будет служить Вам доказательством, как я ценю Вашу сегодняшнюю деятельность. Преданный Вам М. Черняев» (АР, т. V, с. 605). Похвалы эти были ответом на занятие и удержание частями Раевского тактически важной высоты Перчиловац, недалеко от местечка Житковац.

Но уже к вечеру ситуация изменилась. Не получив от Черняева, кроме лестных слов, никакой реальной помощи, Раевский был вынужден оставить выгодную позицию. И затем снова брать ее с боем, по приказу из штаба. Ночной штурм увенчался успехом. На следующий день, 10 августа, турки начали наступление по всему фронту. Под натиском неприятеля стоявшие рядом сербы отошли. Рискуя оказаться в окружении, Раевский дважды посылал донесения в штаб, продолжая защищать высоту, но ответа так и не получил. Под утро отступил и он.

Реакция командующего была бурной. «Вместо благодарности за одержанный блестящий успех, — писал Раевский, — и удержание моей позиции до ночи после бегства всего центра, я был встречен упреками и неприятностями со стороны Черняева и его начальника штаба Комарова». (АР, т. V, с. 635). Руководитель медицинской службы армии, подполковник Владан Джорджевич, оказавшись невольным свидетелем этой встречи Черняева с Раевским, оставил подробное описание их «диалога».

« — Какое отступление, в своем ли вы уме?

— Было невозможно держаться дальше, Ваше Превосходительство.

— Но как вы посмели оставить вверенную вам позицию без особого на то разрешения?

— Я дважды посылая к вам за разрешением, но не получил никакого ответа... — начал было Раевский, но Черняев его перебил. Держась за голову, он стал ходить взад и вперед, постоянно срываясь на крик:

— Полковник русской службы, и сделать такое! Это никакая не армия! Это черт знает что такое, это милютинская армия! — Кто знает, как сильно ненавидели друг друга Черняев и военный министр Милютин, тот поймет смысл этого упрека, брошенного Черняевым. В нем все больше вскипала желчь. Он остановился перед бедным Раевским и буквально процедил сквозь зубы:

— Вы... вы... вы не заслуживаете носить имя Раевских. Вы сегодня осрамили вашего деда, который так славно дрался с Наполеоном... — Раевский побледнел как смерть, отошел на шаг назад, словно наступив на змею, и проговорил только:

— Это неправда, Михаил Григорьевич! — Вслед за этим он взял фуражку и вышел»⁹⁴.

После такого разноса Раевский тут же хотел покинуть расположение сербской армии и вернуться в Россию. Но генерал извинился, и Раевский остался. Он еще на что-то надеялся. Однако надежды гасли. 11 августа начальник штаба полковник В. В. Комаров отстранил его от исполнения обязанностей командующего правым флангом оборонительной линии, под предлогом неудобства перед сербскими офицерами. Все просьбы Раевского поручить ему конкретное дело (тем более, что битва при Шуматовце была в разгаре) остались без удовлетворения — под тем же предлогом. В конце концов, боевого полковника прикомандировали к Главному штабу, чтобы, как писал он с горькой иронией, «в толпе прапорщиков скакать за Черняевым» (АР, т. V, с. 636). Ситуация складывалась тупиковая, а день 20 августа тем временем приближался.

Символично, но буквально накануне этого рокового дня Раевский закончил обширное письмо генералу В. С. Семеке, под началом которого служил в Одессе. В нем он подводил итог своему пребыванию на войне, который, надо понимать, оказался неутешительным. И не потому, что автору было в чем упрекнуть себя. Напротив, прибыв в Сербию, движимый ясной целью, и желая драться за ее воплощение, он, как мы видели, не встретил здесь адекватной реакции начальства на свой порыв, что и вызвало разочарование.

Но не только личными переживаниями значимо для нас послание Раевского. Трезвый анализ всего виденного, слышанного, пережитого, сделанный офицером-интеллектуалом, дает возможность представить общую картину боевых действий и их организации значительно

шире и беспристрастнее. Кроме того, он помогает выявить некоторые важные черты М. Г. Черняева, как военного руководителя и человека, что, имея в виду сказанное выше, кажется нам совсем не лишним.

Итак, что касается подготовки и ведения боевых операций, то планомерного руководства войсками штаб генерала Черняева не осуществлял — все делалось экспромтом. Директивы отдавались командующим без всякой системы, хаотично, что затрудняло взаимодействие отдельных частей. Ответа на донесения с мест, даже в случае их дублирования, часто не поступало, и как следствие — «полевые командиры» были предоставлены сами себе. И это в самые ответственные минуты сражений. Не удивительно, что за четыре месяца войны у Черняева сменилось три начальника штаба — В. Беккер, В. В. Комаров, Д. П. Дохтуров. «Ни один из них, — пишет исследовательница русского добровольческого движения Л. В. Кузьмичева, — не смог оказать существенную помощь Черняеву в принятии решений, организации и ведении боевых действий»⁹⁵.

К тому же сам главнокомандующий больше занимался политикой, чем военным планированием. Так, в начале сентября, в дни неудач на поле боя, он задумал поднять свое реноме... провозглашением князя Милана Обреновича королем. Слава Богу, сербскому монарху хватило ума отказаться от предложенного ему армией титула. А королева Наталья* вспоминала впоследствии, с каким ужасом слушала она советы, которые давал Черняев ее мужу — «отменить конституцию и, опираясь на

* Сербия была провозглашена королевством в феврале 1882 г.

русских добровольцев, совершить в стране переворот в случае, если народ воспротивится таким действиям»⁹⁶. Причем не только она была шокирована. Видный российский публицист Г. К. Градовский писал в своих заметках о событиях тех дней: «В августе посетил меня сербский представитель в Петербурге г-н Протич (Милосав. — А. Ш.) и со слезами на глазах негодовал на своеволие и бесчинства Черняева, нарушавшего конституцию и попиравшего права народной скупщины...». «Глупая, насильственная выходка Черняева, — резюмировал автор, — свидетельствовала о его легкомыслии, дерзости и совершенном непонимании политической обстановки»⁹⁷.

Последнее, весьма дельное, замечание перекликалось и с настроениями российских верхов. Так, 6 сентября военный министр Д. А. Милютин записал в дневнике: «Государь все одобрил, все разрешил, хотя слушал как-то рассеянно. Видно было, что в мыслях у него совсем другое. Его встревожило новое сумасбродство Черняева, который вздумал провозгласить князя Милана королем сербским. Если Милан примет этот титул и объявит себя совершенно независимым от Порты, то это станет вразрез с нынешним направлением политических переговоров... и крайне затруднит нашу дипломатию». Мало того, Александр II прямо заявил Милютину, что «предвидит намерение Черняева свергнуть Милана и провозгласить республику, приготовляя себе звание президента»⁹⁸. Ни больше, ни меньше.

На первый взгляд, такое «предвидение» выглядело фантастикой. Сходного мнения придерживался и военный министр, отметив, что «государь придает слишком

большую важность безумной затее Черняева»⁹⁹. Но, думается, Его Величество отлично знал того, о ком говорил. И лучшее свидетельство тому — декларация самого генерала, выдававшая его затаенные грезы: «Если славянское дело победит, то я войду в историю, как *славянский Вашингтон* (выделено нами. — А. Ш.)»¹⁰⁰.

Однако славянское дело с ним во главе потерпело фиаско, соответственно и новый Вашингтон не родился; в историю же Михаил Григорьевич, конечно, вошел, но скорее как «Дон-Кихот последних дней», или «неутомимый и амбициозный дух, стремящийся к военным победам исключительно ради собственной славы». Именно так завершает свои размышления автор единственной пока его научной биографии, американский историк Дэвид Маккензи¹⁰¹ *...

* Исключительно точное сравнение М. Г. Черняева с Дон-Кихотом — отнюдь не находка заокеанского автора. Еще на заре XX в. тонкую психологическую характеристику генералу дал известный русский дипломат Ю. С. Карцов, сам — свидетель поражения 1876 г. В ней-то впервые и прозвучал данный мотив. Итак: «Практическим человеком Михаил Григорьевич не был, он жил воображением. Его вечно окружал сонм мошенников, которые поддакивали его фантазиям и овладевали его доверчивостью. Подобно знаменитому герою Сервантеса, Михаил Григорьевич не признавал препятствий, всю жизнь сражался со злыми гениями и великанами, изнемогал в борьбе и вечно ходил с помятыми боками. У него, как полководца, волевые способности несомненно преобладали над критическими, сердце над разумом. Но именно этой отзывчивостью, главной чертой его характера, и объясняется тайна, как его колоссальных успехов, так и за ними следовавших столь же необыкновенных неудач» (*Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке. 1879—1886. СПб., 1906. С. 56*).

Но закончим с большой политикой и вернемся к чисто военным аспектам и отношениям Черняева с «Вронским».

Что до боевых качеств генерала, то ухарство и партизанщина, так свойственные ему и мало прощительные даже в действиях небольших отрядов в условиях Средней Азии, но имевшие там шансы на успех (что и проявилось во время взятия Ташкента), в случае с *регулярной армией* были явно неуместны. Потому и отношение «ташкентского льва» к Д. А. Милютину — реформатору и педанту, обладавшему высочайшей военно-штабной культурой, всегда отличалось откровенной неприязнью. Видный сербский литератор Пера Тодорович, отлично говоривший по-русски и служивший в штабе Черняева переводчиком, вспоминал впоследствии о поведении генерала во время битвы за Шуматовац: «Когда 11 августа турецкий штурм застал его в шуматовацком редуте, мы своими глазами видели, как он бежал от орудия к орудю, сам наводил их и отдавал команду целой батарее»...¹⁰². Все так, но только можно ли воспринимать как комплимент это свидетельство о безусловной личной храбрости Черняева? Главнокомандующему не пристало играть роль капитана Тушина.

Прав был российский посланник в Белграде А. Н. Карцов, обобщивший в письме Н. П. Игнатьеву указанные черты его натуры: «По моему скромному суждению, основанному на десятках отзывов людей сведущих и беспристрастных, он — храбрый боевой генерал, но крайне слабый главнокомандующий. Ему надо, или вернее, без него надо все устроить, распорядиться расстановкой войск и начать сражение, а потом уже поставить его на позицию... Добавьте к этому, что он по целым пяти-шести дням запирается в свою

комнату для занятия *высшими политическими соображениями* (выделено нами. — А. Ш.)»¹⁰³. Да, такие люди могли одержать победу в отдельном сражении, но выиграть целую кампанию было им уже не под силу.

В конечном итоге, это и проявилось в Сербии — столь явно выказанные генералом «военная неспособность и до-реформенные вкусы», как весьма нелицеприятно, но по делу, выразился современник¹⁰⁴, привели к ожидаемому результату. Тяжелое поражение сербско-русских войск под Джунисом, последовавшее в октябре 1876 г., показало всю правоту скептиков, в том числе и Раевского. «Дальнейший разгром Сербии, — продолжал тот же современник, — был остановлен ультиматумом России. Сербская война кончилась. Черняев уехал путешествовать по Европе; ликвидация его неумелой затеи была поручена другим лицам»¹⁰⁵... Впоследствии он много писал о причинах былых неудач, отыскивая их где угодно, но только не в себе самом*. Оценивая его

* Удивительны повороты мысли Черняева в различные периоды времени. 2 октября 1876 г. в письме И. С. Аксакову он назвал турецкие победы «мнимыми» (!) и продолжал: «Мы накануне шестинедельного перемирия. Обвиняют наши газеты в этом Милана, но настоящий виновник его ваш покорный слуга... Если число добровольцев дорастет до 10.000 (преимущественно из солдат домилютинской армии) и 1500 казаков, то я ручаюсь, что буду зимой в Софии, а следовательно Болгария свободна... Официальное участие России теперь даже излишне... Дадут мне все, что я прошу, да пришлют в сербское казначейство 10 миллионов, и турок не будет в Европе» (Рукописное отделение Российской Национальной Библиотеки. Ф. 14. Оп. 1. Д. 387. Л. 19–20)... Позднее же генерал утверждал иное: «Когда началась неравная борьба, вся Россия стала молиться

многочисленные меморандумы, профессор Маккензи не без иронии заметил, что «лев Ташкента» показал себя «куда лучшим писателем, чем военным руководителем»¹⁰⁶...

Ко всему прочему добавлялись интриги — тот факт, что после 11 августа Раевскому так и не дали руководства отдельным отрядом или участком фронта, а посылали, что называется, затыкать дыры, вряд ли можно назвать случайностью. Тот же П. Тодорович оставил в своем «Дневнике одного добровольца» свидетельство о первой встрече полковника с командующим: «Передавая визитную карточку Раевского Черняеву, мне показалось, что его приезд совсем не так обрадовал генерала, как это бывало, когда прибывали другие русские»¹⁰⁷. Почему? Уж не кроется ли ответ на этот вопрос в цитированном выше письме Раевского матери от 24 июня 1876 г. «В феврале я написал в Петербург Черняеву, — читаем в нем, — прося его уведомить меня, обращалось ли сербское правительство к нашему с просьбой о присылке ему офицеров, и как отнеслось или отнесется к такой просьбе наше правительство. На письмо это Черняев мне не отвечал и вскоре сам отправился в Сербию; какая могла быть причина его молчания, я не знаю, но думаю, что причина эта заключалась в его чрезмерном самолюбии и желании монополизировать в своих руках как заслугу такой поездки, так и связанную с нею популярность; между тем Вам хорошо известно, что если Черняев и пользовался до этого времени некоторой известностью в Сербии, то единственно благодаря тем значительным суммам, которые я оставил ему, при отъез-

за бойцов угнетенного славянства, но сочувствие к нам возбуждало такие надежды, которых мы сами не могли иметь. От нас требовали побед, тогда как наша задача состояла в том, чтобы временно удерживать напор мусульманских сил» (Там же. Ф. 1009. Д. 1. Л. 4).

де моем в Ташкент, для употребления на болгарско-сербское дело *» (АР, т. V, с. 580—581).

По всей видимости, ответ лежит здесь, в этом письме, поскольку все жесткие слова из него оказались фактами. Во-первых, в архиве Черняева действительно обнаружено то самое февральское послание автора, которое так и не удостоилось генеральского внимания¹⁰⁸. Во-вторых, что касается его же пассажа о всего лишь «некоторой известности» будущего главнокомандующего в Сербии, то и тут нет никакой натяжки. Ведь когда весной 1876 г. шли тайные переговоры о том, кого направлять в живущую ожиданиями войны с турками Сербии, и Славянским комитетом была названа кандидатура Черняева, сербы согласились с ней отнюдь не сразу. Поначалу они предпочитали видеть у себя другого русского — боевого генерала и талантливого публициста Р. А. Фадеева (кстати, родного дядюшку известной писательницы Е. П. Блаватской и знаменитого реформатора С. Ю. Витте), просла-

* После возвращения с Балкан летом 1867 г. и вплоть до своего отъезда в Ташкент три года спустя, Раевский находился в весьма тесных отношениях с Черняевым и часто виделся с ним. Они по-прежнему оставались единомышленниками, а потому упоминание об оставленных генералу деньгах «на болгарско-сербское дело» выглядит вполне логичным. Понятно и то место из письма Раевского к матери, где говорится о том, что ей многое «хорошо известно» — Анна Михайловна также знала Черняева, и даже состояла с ним в переписке. В архиве генерала сохранились два ее письма, датируемых 1871 г. В одном она предлагает генералу ссуду на покупку земли, другое заканчивает словами: «Искренно уважающая Вас и благодарная Вам за Николая, А. Раевская» (Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 28—29 об.).

вившегося своей работой «Мнение о Восточном вопросе» *. Только после его отказа отправиться в Белград, оттуда было дано добро на приезд Черняева ¹⁰⁹. И, наконец, то «чрезмерное самолюбие» и стремление к популярности, о которых упоминает Раевский, уже неоднократно наблюдались нами у несостоявшегося славянского Вашингтона. Особо наглядно, но с присущей ему крайней тактичностью, те же качества генерала проиллюстрировал И. С. Аксаков.

«Пишу Вам с полной откровенностью, — обращался он к Черняеву в январе 1877 г. — Вам несколько мешает избыток личной гордости и раздражения... Мне очень сожалею, дорогой мой Михаил Григорьевич, повторять Вам такую пошлую истину, что достоинство *героя* (здесь и далее выделено в оригинале. — *А. Ш.*) — особенно русского героя — смирение и скромность. И скромность казалась мне присущей Вам чертою, насколько я Вас знал. Позвольте же сказать Вам откровенно, что больше Дюнишского (т. е. Джунисского. — *А. Ш.*) погрома Вам повредило, даже в общественном мнении России, известие о той обстановке, которой Вы себя окружили, об этих несчастных, в пух разодетых телохранителях, которыми Вы обзавелись *после поражения*, об этом черняевском эскадроне **, мундирами которого Вы занимались, вообще

* 19 февраля 1876 г. митрополит Михаил писал из Белграда заведующему хозяйством Сербского подворья в Москве Н. Н. Дурново: «Правительство не имеет ничего против приезда генерала Черняева, но оно предпочло бы генерала Ростислава Фадеева» (*Дурново Н. Н. К истории сербско-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 2. С. 534*).

** А ведь был еще и черняевский батальон (см.: Почетный рапорт о состоянии 4-го русского им. Его высокопревосходительства генерала Черняева ба-

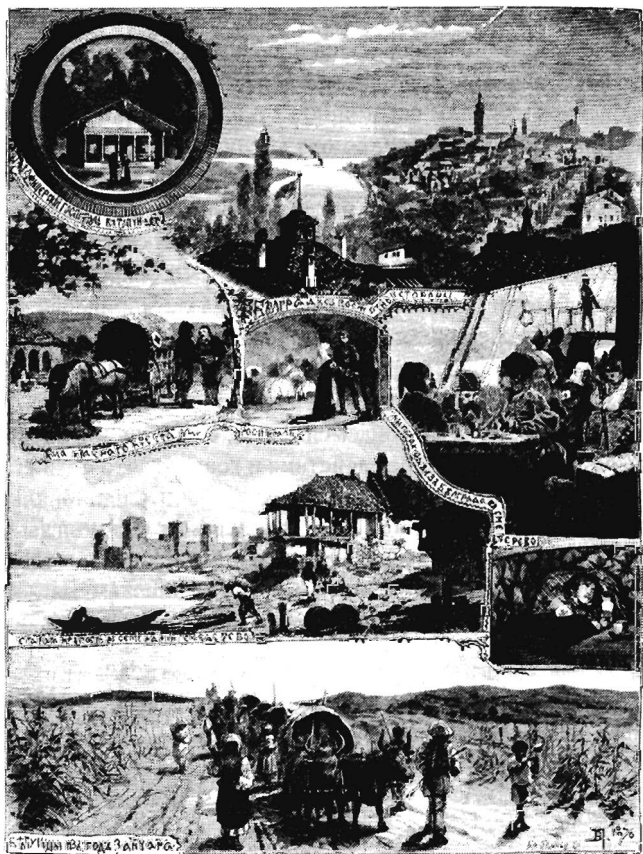
о том параде, с которым Вы появлялись в публике * ... Все это не совсем по-суворовски и даже не по-кутузовски, да и не по-Вашему в начале войны»¹¹⁰.

Хочется быть правильно понятым. У автора нет никакой личной антипатии по отношению к М. Г. Черняеву. Напротив, мы совсем не собираемся умалчивать тот факт, что имеется целый ряд очерков и воспоминаний о нем, написанных в жанре панегирика¹¹¹, равно как и то, что были люди, которых генерал просто очаровывал, как, например, знаменитого художника В. Д. Поленова, посетившего его штаб в конце сентября 1876 г. **. Мы хотим

тальяна. 11 ноября 1876 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 14. Л. 78–79)).. Как-то странно выходит и с титулатурой. В бытность свою в Сербии Черняев являлся генералом сербской армии, в которой титулование вообще не употреблялось — все обращались друг к другу по чину. Если же подобное «название» продолжало российскую практику, то и тогда оно было неадекватным, поскольку Черняев, как отставной русский генерал-майор, подлежал титулованию лишь *превосходительством*, но никак иначе.

* Ю. С. Карцов оставил свои впечатления о личной встрече с Черняевым после Джуниса: «Михаил Григорьевич храбрился, подогревал себя надеждой, что дело освобождения славян не погибнет, что он, Черняев, доведет его до конца и т. п.» (Карцов Ю. С. Семь лет на Ближнем Востоке... С. 54). Отсюда и отмеченные Аксаковым его «парады» на публике.

** В своем «Дневнике добровольца» В. Д. Поленов писал: «Редко доводилось мне встречать такого симпатичного человека, как Михаил Григорьевич Черняев. Ни фатовства, ни позировки, а напротив — необыкновенная простота и скромность во всех словах, приемах и действиях. При этом глубокая преданность идее, которая сообщалась и вам, совершенно вас побеждала и заставляла чуть не боготворить его. К сожалению, мне показалось, что он начинал уже

В. Д. Поленов. Виды и типы Сербии. 1876 г.
Журнал «Пчела». 1877. № 5

только заметить, что, на наш взгляд, Черняев и Раевский по-разному относились к «славянскому делу». В то время как Раевский любил само дело, Черняев — больше себя в нем...

Как бы там ни было, но отношения не сложились, и в результате Раевский писал Семеке: «Если такое положение не прекратится, то через несколько дней я подам в отставку и уеду в Россию, так как я приехал сюда с целью служить сербскому делу, а не для того, чтобы оставаться в бездействии и выносить оскорбления от Черняева». И далее столь же горько: «В заключение я скажу следующее — война ведётся без плана и без всякого порядка; мы не имеем разъездов и не знаем, где неприятель и сколько его, пока не сойдемся с ним. Сербские офицеры негодуют на такой образ действия и говорят, что если его еще терпят, то только из опасения оскорбить национальное чувство русских, но что войско гибнет без пользы и страна разоряется» (АР, т. V, с. 637). Увы, вердикт сколь печальный, столь и справедливый.

сильно сомневаться в возможности привести свои желания к счастливому окончанию... Я стал его расспрашивать о военных действиях. „Несмотря на наши поражения, мне кажется, что мы одержали пассивную победу. Турки дальше не идут... Не будь на их стороне Англии, мы, может быть, теперь не тут бы были“ ... Я вышел от него совершенно обворожённый, мне припомнился Кутузов в „Войне и мире“» (Сахарова В. Е. Василий Дмитриевич Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.-Л., 1948. С. 128–129). Без сомнения, каждый волен иметь свое мнение, но только чем тогда объяснить, что всего три недели спустя «пассивная победа» Черняева обернулась катастрофой под Джунисом?

Но уйти в отставку и уехать в Россию «Вронскому» не удалось и на этот раз — сутки спустя он погиб, выполнив до конца свой долг и оставшись в памяти сербов. По сей день. О Черняеве же в Сербии ныне мало кто вспоминает. Разве что профессиональные историки¹¹², да жители Поморавья.

Показательный факт — последние минуты жизни Раевского и его гибель были описаны очевидцами (русскими и сербами) буквально в деталях, что, несомненно, является свидетельством совершенно определенного к нему отношения. Для нас же такое внимание к памяти добровольца — существенное подспорье, которое дает возможность довольно точно воспризвести события того рокового дня.

* * *

Итак, 20 августа продолжались жестокие бои под Алексинцем. Потерпевшие незадолго до этого поражение при Шуматовце турки жаждали реванша и вал за валом накатывались на сербские позиции. Раевский, уже более недели состоявший при штабе Черняева — «в опале», по его собственным словам (АР, т. V, с. 679), с утра находился в свите командующего в Житковце. Когда же туда стали поступать донесения о резком ухудшении обстановки в районе Горнего Адровца — этого ключевого пункта обороны сербов, генерал обратился к нему со словами: «Господин полковник. Прошу Вас, пожалуйста, поторопитесь к Горнему Адровцу, примите команду и постарайтесь продержаться хотя бы час, пока я не пришлю вам на помощь свежие силы». «С большим удовольствием» — ответил Раевский и, подтягивая подпругу, шепнул

стоявшему рядом В. Джорджевичу: «Наконец-то, мой дорогой доктор, представился случай увидеть, такой ли уж я недостойный потомок генерала Раевского, и правда ли, что милютинская армия столь плоха, как здесь о том говорят». «Прощайте, Михаил Григорьевич!» — на ходу бросил он Черняеву, и голос его задрожал ¹¹³. Было два часа пополудни.

Прибыв на место, в распоряжение батареи поручика Косты Шамановича — лучшего, пожалуй, артиллерийского офицера во всей армии Княжества, Раевский осмотрелся, личным примером остановил отступавшую под напором турок сербскую пехоту и стал обдумывать меры, которые следовало предпринять для окончательного выправления ситуации. Хлебнув воды из фляги рядового Гавриловича — солнце палило нещадно — и опершись на орудийный лафет, он начал составлять донесение Черняеву: «Турецкие войска укрепляются на высоте Алексинацкой долины, налево от нас. С правой стороны долина чиста для прохода нашего войска в тыл неприятелю...» (АР, т. V, с. 638–639). Но поставить точку полковник не успел. Турецкая пуля ударила в левый висок навывлет, пробив форменную шапку*. Смерть была мгновенной. Случилось это около четырех часов дня... Фейер-

* Эта шапка сохранилась — денщик Раевского сберег ее и доставил, как реликвию, родным погибшего офицера. Один из русских добровольцев вспоминал: «Вчера видел денщика полковника Раевского. Он убит наповал пулей в висок... Денщик показывал нам капу (шапку вроде шотландской, форменная, сербская) покойного, простреленную и обрызганную кровью» (Записки добровольца о сербской кампании // Колосья. 1892. № 5. С. 74–75).

веркер Антоние Станоевич вынес бездыханное тело из-под огня, а командир батареи послал с нарочным срочную депешу. «Имею честь известить вас, — писал он главнокомандующему, — что полковник Раевский только что погиб возле моей батареи от пули неприятеля. Его саблю, ордена, кошелек с деньгами и записную книжку я взял на хранение до дальнейшего приказа»¹¹⁴.

Увы, как это часто бывает, внезапная гибель командира надломила дух его солдат, до того стойко отражавших все атаки врага. К шести часам вечера позиции у Горного Адровца были оставлены... В большой же и толстой книге с длинным названием «Ведомость о русских офицерах и волонтерах, состоящих в Тимоко-Моравской армии под командованием генерала Черняева», безвестный штабной писарь против фамилии Раевского вывел простым карандашом: «При главном штабе. Убит 20 августа под Алексинцем»¹¹⁵.

Последний путь

Черняев, по воспоминаниям очевидцев, был сражен скорбной вестью. В тот же день он отправил А. М. Раевской телеграмму о гибели сына. А 22 августа князь Милан Обренович написал Михаилу Николаевичу: «С чувством глубокой грусти посылаю к Вам сие печальное известие, что Ваш доблестный брат Николай Раевский геройски пал в кровавой борьбе против врага славянского имени и веры православной. Ваша потеря велика, но она не менее велика и для сербского войска и того святого дела, во имя которого он геройски боролся. Я надеюсь, что

это войско, в котором он командовал и показал такой доблестный пример, отметит его геройскую смерть, и прошу Всевышнего, да укрепит Ваши силы перенести эту тяжелую потерю». (АР, т. V, с. 651—652).

Сразу же по получении телеграммы Черняева Анна Михайловна собралась в дорогу — отправившись в конце августа на корабле «Меттерних» из Одессы, она через несколько дней прибыла в Белград. Все это время сын дожидался ее в монастыре Святого Романа, где был расположен лазарет сербской армии, который, правда, уже ничем не мог помочь, — в самый день гибели тело Раевского было перенесено в обитель и там захоронено. До сих пор на месте этой временной могилы лежит каменная плита с выбитым на ней крестом, окруженная цветами. В голове растет вечнозеленый кустарник. За местом первого упокоения русского добровольца ухаживает монастырское сестринство. Существует легенда, что здесь навсегда осталось его сердце.

А 1 сентября для «графа Вронского» начался путь домой. В этот день (в нарушение православного обычая не трогать останки в течение года после смерти) его тело было эксгумировано, забальзамировано, положено в привезенный из Белграда дубовый гроб, который затем поставили в другой гроб — свинцовый, и со всеми почестями, т. е. под барабанный бой и ружейные залпы, отправлено в столицу. Находившийся при Главном штабе Черняева в местечке Делиград, один из русских добровольцев тогда же записал: «Сегодня провозили тело полковника Раевского, ему салютовали тремя залпами и шестью выстрелами из орудий»¹¹⁶. На пути в Белград скорбный груз сопровождал старый друг братьев Раев-

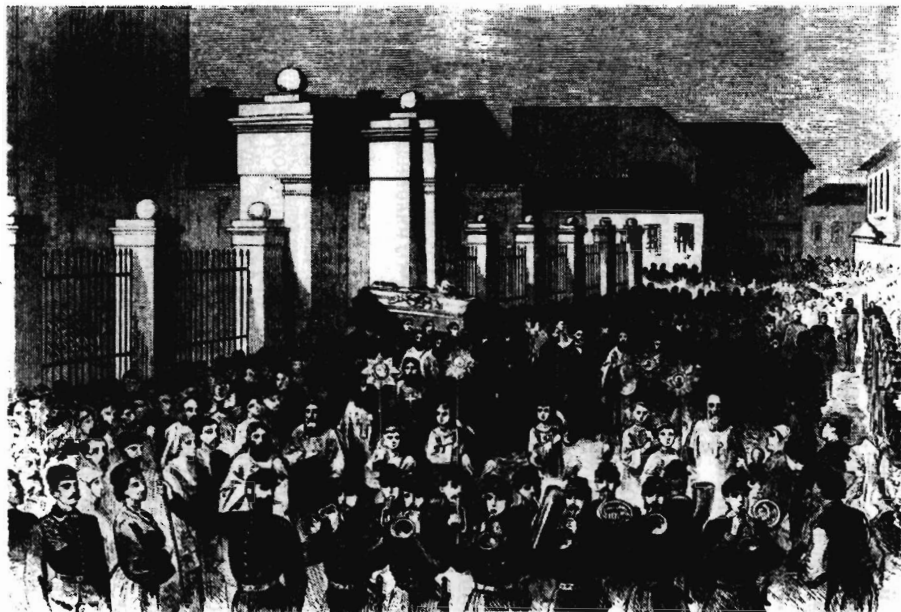

Перенесение тела Н. Н. Раевского с поля сражения. Рисунок А. Даугеля

ских, их однокашник по Московскому университету, капитан К. И. Кесяков, специально прибывший из России. 4 сентября он доставил саркофаг на место. Всю ночь мастера золотили украшения на его металлических поверхностях, а затем закрыли и залили свинцом, подготовив к последнему путешествию.

На следующее утро в белградском кафедральном соборе состоялось отпевание Н. Н. Раевского. Чинодействовал при этом сам Высокопреосвященный митрополит Михаил, при содействии тридцати иерархов и священников. «Вечную память» пел хор московских певчих. Поклониться праху героя в храме собралось все местное высшее общество во главе с князем Миланом. И только княгиня Наталья (дочь полковника русской службы Петра Ивановича Кешко) не была, по причине своей болезни. Присутствовала и А. М. Раевская. Все отмечали, что на нее было больно смотреть — на тридцать третьем году вдовства она потеряла и старшего сына. «Она держала себя с достоинством, но горькие слезы, порой пробивавшиеся у нее, несмотря на все старание удерживать их, трогали всех присутствовавших», — писал очевидец¹¹⁷. На улице выноса гроба ожидало целое море народа, что хорошо видно на гравюре, запечатлевшей момент прощания Сербии с Раевским.

Во время панихиды владыка — бывший воспитанник Киевской духовной академии, пользовавшийся огромным уважением в России, — высказал «вечную благодарность благородным, добродушным и геройским братьям нашим». «Христолюбивую же душу Николая Раевского, который пал на поле битвы за святое общее дело гуманности, справедливости и братства, — продолжал он, — пусть Господь примет в свое блаженное царство. Благородной же матери

inslav Вынос тела Н. Н. Раевского из кафедрального собора в Белграде. Рисунок К. Брожа

усопшего, госпоже Анне, пусть Господь пошлет утешение и укрепление, чтобы она, видя, какими горючими слезами русскими и сербскими орошен хладный гроб сей, возмогла перенести ощутительную потерю свою» (АР, т. V, с. 664).

В тот же день, в четыре часа пополудни, депутация граждан Белграда посетила Анну Михайловну. В ответ на соблезнования, принесенные ей от имени депутации протоиереем Яковом Павловичем (будущим сербским митрополитом Иннокентием), она смогла только сказать: «Благодарю вас, господа, за сочувствие, которое вы оказываете мне в потере моего сына, вспоминая таким образом память его. Это было давнишнее желание моего сына: давно он питал в сердце своем желание жертвовать собою для освобождения славян от ига и изгнания турок из славянских земель. Еще раз благодарю вас, господа, за сочувствие ваше» (АР, т. V, с. 665).

А последний день Раевского на сербской земле тем временем продолжался. В шесть часов вечера гроб с его телом был вынесен из собора и в сопровождении всего белградского гарнизона, генералитета, духовенства и массы народа, под звуки военной музыки, перенесен на пристань. Роль почетного караула выполнял эскадрон русских кавалеристов. Приготовленный по случаю катафалк остался без надобности — всю дорогу офицеры несли гроб на руках. У пристани уже ждал пароход «Делиград», тот самый, что лишь месяц назад доставил живого Раевского в Сербию. Сейчас, под гром пушек, он увозил его, мертвого, в Одессу. Оттуда по железной дороге траурный груз проследовал в родовую Еразмовку,

где и остался навечно, рядом с прахом деда — защитника легендарной батареи * ...

Казалось бы, все. Но история «графа Вронского» в Сербии на этом отнюдь не закончилась. Начиналась жизнь после смерти — материализация памяти.

Вечная память

В первые после военного лихолетья годы место смерти Н. Н. Раевского зарастало травой, как в прямом, так и в переносном смысле. Память о подвиге добровольца была свежа, но где точно он погиб, мало кто мог показать. Не до того было: сожженные и разоренные турками села многострадального Поморавья только-только возрождались из пепла, а население приходило в себя от войны. Лишь в 1887 г. оно было отмечено каменным крестом с надписью: «Русский полковник Николай Раев-

* Усыпальницей Раевских в Еразмовке служила Крестовоздвиженская церковь. Заложенная 3 мая 1833 г., как место погребения генерала Н. Н. Раевского 1-го, она являлась редким памятником русского классицизма первой половины XIX в. Впоследствии, в 1883–1885 гг., храм был перестроен и значительно расширен. В 1965 г., на излете хрущевского наступления на Церковь, он лишился куполов. В таком, довольно «светском», виде усыпальница сохранилась до наших дней (см.: *Дюмин В. Н.* Усыпальница героя — памятник архитектуры // *Строительство и архитектура.* Киев, 1968. № 12. С. 34). Кроме генерала Раевского и его погибшего в Сербии внука, там упокоены дочь Софья Николаевна (1881), второй внук (младший брат Н. Н. Раевского 3-го) Михаил Николаевич (1893) и дети последнего — Григорий (1883), Елена (1889) и Николай (1900).

Капитан Коста Шаманович.
Фотография из архива Раевских

ский пал здесь в борьбе с турками 20 августа 1876 г.». Крест этот был возведен тщанием королевы Натальи по просьбе семьи Раевских. Причем всю практическую работу по его установке выполнил наш старый знакомый Коста Шаманович, получивший к тому времени чин капитана. Именно ему, как непосредственному участнику событий, поручил это дело военный министр Сербии, полковник Сава Грунич. И именно он как бы заново открыл место гибели «Вронского», обозначив его, чем фактически спас от забвения, теперь уже навсегда.

В неопубликованной части архива Раевских сохранилась копия донесения капитана Шамановича министру. «5 августа, — докладывал он по-военному четко, — я обошел поле сражения, находящееся выше села Горни Адровац, т. е. те позиции, на которых действовала моя батарея 20 августа 1876 г., а затем нашел и само место, где упал русский полковник Николай Раевский, когда пуля поразила его в голову... Земля эта принадлежит Новаку Стефановичу, крестьянину из Горнего Адровца. Я вызвал его и, объяснив все значение этого места, поручил сделать ограждение вокруг него... Крест же по моему заказу был изготовлен в городе Алексинац из твердого камня, на нем вырезана указанная надпись. Все работы я завершил к 11 августа». И наконец: «Перед своим отъездом я обратился к властям Алексинацкого округа с письмом, в котором настоятельно просил их обратить особое внимание на сохранность памятного знака с тем, чтобы дети или пастухи, вследствие неразумения или случайно, не повредили его. Начальник округа, — с удовлетворением резюмировал офицер, — сразу же отдал нужное распоряжение местным властям»¹¹⁸.

О принятых мерах было немедленно сообщено королеве, и 21 августа она писала Саве Груичу: «От всего сердца благодарю Вас за то, что Вы так быстро исполнили мою просьбу, относительно увековечивания места смерти полковника Раевского. Спешу уведомить его брата о выполнении данного ему обещания» *. 25 декабря Ее Величество снова адресовалась к нему: «Я получила письмо от брата Раевского. Он глубоко тронут посланным мною планом» ¹¹⁹...

Давно уже покинули сей мир королева и министр, боевой офицер, так трогательно заботившийся о памяти русского товарища **, и простой селяк, «оградивший» ее на своей земле. А каменный крест с полустертой временем надписью и поныне стоит на высоте у Горнего Адровца. Но уже не один. Рядом с ним возвышается небольшая церковь в византийском стиле, которая также имеет свою историю.

* * *

Идея сооружения храма-памятника на месте гибели старшего сына возникла у А. М. Раевской еще в момент

* Два письма Натальи Обренович М. Н. Раевскому (от 22 августа 1887 г. и 19 января 1890 г.), а также четыре — его супруге Марии Григорьевне (урожденной княжне Гагариной), хранятся в архиве Раевских. Их предполагал опубликовать еще Б. Л. Модзалевский в 6-ом томе АР, который по известным причинам так и не вышел. Но свет они обязательно увидят, как продолжение истории «графа Вронского».

** Коста Шаманович находился в контакте с семьей Раевских. Помимо цитированной выше копии донесения военному министру, в их архиве сохранилось и его фото с надписью «Константин Шаманович, поручик. Командир батареи в день 20 августа 1876 г.». Мы впервые публикуем его.

пребывания в Белграде. Но до ее воплощения в жизнь прошло долгих двадцать семь лет... Сначала все заслонила Русско-турецкая война и опасения за сына младшего, флигель-адъютанта государя, отправившегося на фронт вместе с ним. Да и общий тонус после выпавших потрясений оставлял желать много лучшего. Анна Михайловна была женщиной энергичной, что проявилось хотя бы в воспитании детей и управлении обширным семейным состоянием, которое после смерти мужа только приумножилось. И потому как-то очень искренне звучит ее признание (из письма И. С. Аксакову от 4 июля 1877 г.) в том, что «здоровье и силы в последнее время мне совершенно изменили»¹²⁰. Видя всю невозможность реализовать свою идею о постройке церкви в Сербии, она увековечила память о сыне иначе, крайне деликатно и чисто по-матерински, т. е. у себя в душе.

В том же послании Аксакову, как вице-председателю Московского славянского комитета, А. М. Раевская писала: «Я читала в газетах о предположении Московского общества поощрения трудолюбия основать ремесленную школу для дочерей русских воинов, павших в настоящую турецкую войну, и это навело меня на мысль просить названное Общество принять в число воспитанниц первого приема трех девочек, дочерей русских добровольцев, павших или тяжелораненых в последнюю сербско-турецкую войну, причем я платила бы назначенные деньги (как мне известно, по 60 рублей в год за каждую воспитанницу) за обучение...». И далее читаем: «Я льщу себя надеждой, что Общество поощрения трудолюбия не откажет мне в моей просьбе», поскольку «девочки, о которых идет речь, такие же русские, как и те дети, о которых

заботится Общество. Отцы их сражались за ту же идею — освобождение славян от турецкого ига, и к тому же сражались, не рассчитывая, что кто-либо на родине помнит их, павших в неравной борьбе, или изувеченных, и помянет в лице их детей». И наконец: «Кроме только что объясненного мною, я желала бы также содействовать определению в мужские гимназии трех мальчиков, сыновей русских добровольцев, павших или тяжелораненых в сербско-турецкой войне. Следствие этого должно состоять в выдаче каждому из трех мальчиков на его содержание 20 рублей в месяц во все время его обучения в гимназии»¹²¹.

Должно отметить, что, обращаясь к Аксакову, Анна Михайловна никак не желала придавать своим «скромным предположениям какую-либо гласность», намеренно это оговорив. И даже в сугубо частной переписке, она ни разу не обмолвилась о мотивах, подвигнувших ее на такое решение. Лишь однажды, и то скорее подсознательно, под пером матери, словно водяной знак на бумаге, проглянул образ сына — касаясь выбора учебных заведений для образования детей погибших добровольцев, она писала: «В первом моем письме я указывала только на гимназии, потому что эти заведения не только достигают заданной цели (т. е. возможности «по выходе из них добывать себе хлеб самостоятельным трудом». — *А. Ш.*), но также и готовят молодых людей к дальнейшему научному образованию, что во всяком случае небесполезно»¹²². Ей ли этого не знать!

И. С. Аксаков горячо откликнулся на просьбу Раевской. Его старанием в Арбатскую ремесленную школу были помещены дочери павших в Сербии фельдфебеля Сер-

геева и унтер-офицера Дмитриева (Анна Михайловна принципиально не желала ограничивать круг своих пансионеров лишь детьми с «голубой кровью»). С сыновьями же оказалось сложнее — в бумагах Славянского комитета подходящих кандидатур не было. И тогда в целом ряде московских газет появилось объявление: «Неизвестное лицо вызывается жертвовать по двадцать рублей в месяц на каждого из трех мальчиков, сыновей убитых или тяжелораненых в сербско-турецкой войне 1876 г. русских добровольцев в продолжении воспитания этих сирот в классической гимназии или реальном училище»¹²³. Но, увы, на объявление так никто не отозвался. И вдова вновь апеллирует к Аксакову: «Жаль мне, что семейство без вести пропавшего добровольца потеряно из виду. Нельзя ли вызвать мать этого семейства посредством публикации (на мой счет)... Что касается до публикации о мальчиках, то мне казалось бы нелишним повторить ее в «Новом времени», или другой, не менее распространенной в провинции петербургской газете. Россия велика, и даже с самых отдаленных окраин ее стремились в Сербию жертвы этой несчастной войны»¹²⁴. Что верно, то верно, вот только граф Л. Н. Толстой никак не мог согласиться со столь очевидным фактом. Но это к слову.

В конце концов усилия принесли результат. В январе 1878 г. сын поручика П. Н. Орехова, умершего от ран в сербском городке Парачин, был принят в приют общины «Утоли моя печали» с перспективой поступления в гимназию. Плату за его содержание (90 рублей в год) вносило то самое «неизвестное лицо».

Трудно сказать, как протекала бы дальше благотворительная деятельность А. М. Раевской, но в июле

1878 г. Аксаков, за свою знаменитую речь с критикой российской дипломатии, был выслан из Москвы. Славянский же комитет разогнали. Отлаженная связь прервалась. Однако, что бы там ни было, девочки учились, мальчик готовился в гимназию, не ведая, как и их матери, кто обеспечил им эту возможность. Да и зачем им было это знать. Eхegi monumentum...

* * *

А Анну Михайловну не покидала мысль о возведении храма на месте гибели Нико — так его звали в семье. Чувствуя приближение смерти (последовавшей 10 декабря 1883 г.), она просила младшего сына исполнить заветное желание, оставив на это 50 тысяч рублей.

Должно заметить, что Михаил Николаевич всегда с благоговением относился к памяти брата, что вполне разделялось его супругой и детьми. По своей кончине он и упокоится рядом с ним, в Крестовоздвиженской церкви родовой Еразмовки. Но все это произойдет позже. Мы же пока вернемся в роковые семидесятые... Не прошло и года с трагического дня 20 августа, как флигель-адъютант М. Н. Раевский сам отправился на Балканы. Его письма жене с театра Русско-турецкой войны интересны тем, что придают новые грани восприятию «Вронского» людьми в погонах. Они же, думается, позволяют уточнить и отношение самого семейства к некоторым известным нам персонажам. Поэтому, как раньше за старшим братом в Сербию, последуем теперь за младшим в Румынию, где летом 1877 г. располагалась Императорская Главная квартира. Здесь, при особе государя и состоял полковник Раевский.

Понятно, что находясь в действующей армии, да еще в чисто офицерской среде, Михаил Николаевич не мог не встречаться с однополчанами Н. Н. Раевского. И, по всей видимости, происходило это нередко. 8 августа он писал жене: «Я опять встречаюсь с сослуживцами брата по Сербии... и по Ташкенту... Все сожалеют и превозносят его»¹²⁵. Три месяца спустя, в очередном послании — новые впечатления: «5 ноября утром встал и пошел к генералу Ганецкому, который командует Гренадерским корпусом, просить проводника... Генерал Ганецкий известен вспыльчивостью нрава и резкостью. Он принял меня официально, руки не дал, дал проводника и потом спросил, брат ли я того, кто убит в Сербии. На положительный ответ с чувством протянул мне руку. Оказывается, что он брата несколько знал»¹²⁶.

Заметим, что война — не место для реверансов, особенно когда речь идет о боевых, а не «паркетных» начальниках. Генерал-лейтенант Иван Степанович Ганецкий был как раз из таких. Командуя своим Гренадерским корпусом, он действовал с отличием под Плевной и Дольним Дубняком, где дрался с Осман-пашой, войска которого пленил 28 ноября, за что ему был пожалован орден Св. Георгия 3-й степени. А потому его жест многого стоит. Впрочем, он всего лишь иллюстрирует данные выше оценки. Но как!..

Теперь из поздней осени возвратимся в самое начало душного румынского лета и заглянем в письмо Раевского от 6 июня. В нем воспроизведен его крайне любопытный разговор с человеком, несомненно, компетентным, почему он и заставляет задуматься. Итак: «В субботу 4 июня я был дежурным, и тут же странным образом приехал князь

Милан в сопровождении Ристича *, Хорватовича **, Лешанина *** и др. Я завтракал рядом с Хорватовичем, который чрезвычайно интересная личность, он много говорил о моем брате, говорил, что, будь он у него под командой (выделено в оригинале. — А. Ш.), он не дал бы ему слишком подвергаться и погибнуть. Все были очень любезны...». И далее: «Тотчас после завтрака государь поехал отдавать визит Милану и взял меня с собой в коляску. Дорогой он очень милостиво со мной разговаривал и вообще в течение всего дня был в духе и довольно часто говорил со мной. Милану он вторично меня представил, упоминая о моем брате»¹²⁷.

Обращает на себя внимание неожиданный поворот в словах Джуры Хорватовича — толкового сербского командира, может быть, самого талантливого из всех — «он не дал бы ему погибнуть». Не отсюда ли, ознакомившись с подробностями смерти старшего брата, и вывел Михаил Николаевич заключение о косвенной виновности в ней М. Г. Черняева? По крайней мере, можно точно утверждать, что такое мнение в семействе сложилось. Данный факт, кстати, подтвердил и сам Черняев. В черновике его письма М. Н. Раевскому, набросанном в июне 1887 г., помимо всего прочего, читаем: «Вместе с тем, я не могу не воспользовать-

* Ристич Йован — сербский политик, занимал пост министра иностранных дел Княжества во время обеих сербо-турецких войн (1876, 1878 гг.).

** Хорватович Джура — сербский военачальник, полковник. Во время войны 1876 г. командовал войсками 4-го корпуса Тимокско-моравской армии.

*** Лешанин Милойко — сербский военачальник, полковник. В начале войны 1876 г. командовал Тимокской армией.

ся этим случаем, чтобы не коснуться и обстоятельств, сопровождавших смерть брата Вашего Николая Николаевича, потому что в бытность свою в 84 г. в Японии, я услышал от А. П. Давыдова, что родные покойного возлагают на меня обвинения в смерти его»¹²⁸. К величайшему сожалению, именно на этом месте черновик обрывается, и мы, видимо, так никогда и не узнаем личную версию генерала. Было ли письмо закончено и отправлено, или, быть может, оно так и осталось недописанным, сказать трудно — оригинала в архиве адресата мы не обнаружили, как ни пытались. Однако расклад и без того ясен. Ну, а насколько был прав каждый из участников этого «диалога», судить не нам. Мы лишь старались показать отношения Черняева и Раевского-старшего в их развитии. Выводы же пусть делает читатель.

И в заключение еще об одном. Как следует из приведенного чуть выше письма Михаила Николаевича, государь при встрече с сербами также не преминул вспомнить о его брате. Казалось бы, обычная любезность, но стоит лишь сопоставить некоторые факты, дабы заключить, что под ней скрывалось подлинное чувство. Известно, что полковник М. Н. Раевский получил флигель-адъютантские вензеля 6 ноября 1876 г. Человек он был открытый и правдивый, весьма объективно относившийся как к себе, так и к другим. В тот же день новопеченный свитский офицер телеграфировал теще, княгине С. А. Гагариной: «За заслуги брата и отца назначен флигель-адъютантом» (АР, т. V, с. 673)...

Нам, право, не хотелось бы, чтобы по прочтении этой части очерка у читателя сложилось впечатление, будто младший брат нашего героя только и делал, что сидел в штабах или дежурил по царским квартирам. Нет, он еще и

повоевать успел. Так, за мужество и отвагу, проявленные в деле с турками при занятии Бабадага, ему была вручена золотая сабля с надписью «За храбрость» (25 июля 1877 г.). Любопытно, что в письме супруге об этом упоминается как бы походя.

По возвращении в Россию, М. Н. Раевский продолжил военную карьеру, получив в 1882 г. чин генерал-майора с зачислением по гвардейской кавалерии. Затем занимал должности директора департамента земледелия и сельской промышленности, а также члена совета министра государственных имуществ. Удостоился ордена Св. Владимира 3-го класса и высших степеней Станислава и Анны. В 1891 г. был избран почетным гражданином городка Новохоперска, что в Воронежской губернии *... А параллельно с этим отдавался любимому занятию — разводил в своих крымских имениях фруктовые сады, причем делал это образцово. Его занятия садоводством (страсть всех Раевских к земле — это, очевидно, фамильное свойство) носили столь профессиональный характер, что он написал даже пособие по данному вопросу: «Плодовая школа и плодовый сад. Руководство к культуре плодовых деревьев в южной половине России», выдержавшее *пять* изданий, и со временем стал президентом Российского императорского общества садоводства. Кроме того, Раевский-младший за-

* В Новохоперском уезде располагались его обширные, унаследованные от матери, имения — слободы Красенькая и Подосиновка. В Красенькой, которую принесла в приданое М. М. Бороздину его супруга Екатерина Александровна (урожденная Шемякина), Анна Михайловна родилась; там она и похоронена, рядом со своим мужем — генерал-лейтенантом Н. Н. Раевским 2-м.

нимался поэзией* и собственным домом — у него было четыре сына и шесть дочерей.

В октябре 1893 г., находясь в Крыму, он вдруг почувствовал себя плохо. Быстро собрался и выехал в Петербург, но до столицы так и не добрался, скончавшись по пути, в Севастополе. Откуда его прах проследовал в Еразмовку, к брату...

* * *

За всеми своими заботами М. Н. Раевский не забывал и о поручении, возложенном на него матерью. Однако сложившаяся тогда в Сербии неблагоприятная политическая обстановка не позволила ему реализовать ее давнюю мечту. Перед смертью он передал семейное обязательство теперь уже своему старшему сыну — Николаю Михайловичу. Но и тот, спустя несколько лет (в 1900 г.) умер. И тогда за осуществление завета покойной свекрови взялась вдова Михаила Николаевича — Мария Григорьевна Раевская (урожденная княжна Гагарина). Она-то и довела фамильное дело до благополучного завершения. В немалой степени ей удалось это потому, что отношение официального Белграда к России и русским изменилось тогда в лучшую сторону.

И здесь хотелось бы сделать одно предположение. Все дело в том, что сын М. Н. и М. Г. Раевских умер не естественной смертью, но покончил с собой. И несмотря на то, что в семейных бумагах нет ни малейшего намека на такой конец, в позднейших воспоминаниях знававших молодого лейб-гусара сверстников мы находим конкретные обстоятельства его гибели. Увы, они довольно банальны для бле-

* В 1894 г., посмертно, в Петербурге вышли его «Стихотворения».

стящей офицерской среды той эпохи. Известный «красный граф» Алексей Игнатъев — родной племянник графа Н. П. Игнатъева и будущий военный агент России в Париже, перешедший после Октября 1917 г. на службу к большевикам, — обронил мимоходом в своих мемуарах, что «талантливый молодой Ника Раевский пустил себе пулю в лоб из-за неуживчивого характера своей любовницы — танцовщицы Императорского балета»¹²⁹.

Известно, что отношение к самоубийцам с стороны Церкви всегда было резко отрицательным — она отказывала им в спасении и поминании. Но мать остается матерью. И потому встает вопрос: не были ли активные хлопоты М. Г. Раевской по возведению храма-памятника в Сербии, начавшиеся сразу же после трагической смерти ее первенца, желанием увековечить память *обоих* Николаев Раевских, т. е. не только деверя, но и сына? По-человечески такое желание абсолютно понятно...

Как бы там ни было, работа закипела. В буквальном смысле слова. Уже в феврале 1901 г. Мария Григорьевна начала переговоры с посланником Сербии в Петербурге Стояном Новаковичем об урегулировании формальностей, связанных с постройкой церкви*. Виднейший сербский ис-

* 22 февраля 1901 г. супруга Ст. Новаковича, Елена, писала их сыну Милете Новаковичу: «Недавно мы были с визитом у госпожи Раевской, урожденной княжны Гагариной. Ее деверь, т. е. брат мужа, покойный Раевский — тот, что погиб близ Алексинца во время нашей первой войны с турками в 1876 г. Жена погибшего Раевского (так в тексте. — А. Ш.) завещала построить церковь на том месте, где пал этот достойный герой. О выполнении ее завещания мы и разговаривали» (Архив Србије. Фонд Стојана Новаковића. Бр. 2646. Л. 1—1 об.).

торик и филолог, иностранный член Российской Академии наук, чьи труды неоднократно переводились на русский язык, Новакович сразу же поддержал начинание невестки Н. Н. Раевского, оказав ей всяческую помощь. В самой Сербии за дело принялся епископ Нишский Никанор. Летом того же года он посетил Горни Адровац и приобрел там участок земли под будущее строительство. Местные жители с воодушевлением приняли весть о сооружении церкви на месте гибели русского полковника — и четверть века спустя благодарная память адровчан хранила воспоминание о его подвиге.

15 декабря в белградской газете «Дневник» был объявлен конкурс на строительство храма¹³⁰. По его итогам, подряд получил итальянский предприниматель Дж. Колларо (J. Collaro). 3 января 1902 г. с ним был подписан контракт, а уже 15-го М. Г. Раевская передала Ст. Новаковичу чек на шестьдесят тысяч франков из завещанной свекровью суммы¹³¹. Как явствует из ее письма давнему другу семьи, горному инженеру Н. Н. Мейеру, она желала закончить постройку непременно к 20 августа¹³². Однако, находясь в Петербурге, трудно все предусмотреть — различные согласования и утряски требовали времени, и немало.

Наконец, все приготовления были закончены, и 3 марта 1902 г. при огромном стечении народа состоялась торжественная закладка храма-памятника Н. Н. Раевскому во имя Святой Троицы*.

* Посвящение храма, возведенного на месте гибели Н. Н. Раевского, Святой Троице представляется совсем не случайным. Напомним, что крестили его при рождении также в Свято-Троицкой церкви, в Керчи.

Торжественная закладка церкви Святой Троицы.
3 марта 1902 г.

На переднем плане, в офицерской перелине, —
племянник Н. Н. Раевского,

Михаил Михайлович. Рисунок В. Тительбаха.
Газета «Русское слово», 31 марта 1902 г. № 88

Российский посланник в Белграде Н. В. Чарыков — тот самый, кто никак не мог поверить, что Толстой писал Вронского с погибшего в Сербии добровольца, — доносил министру иностранных дел, графу В. Н. Ламздорфу об общей атмосфере мероприятия: «Король, правительство, войска и народ приняли в нем участие, придавшее этому частному делу государственное значение, причем с сердечной искренностью были выказаны с сербской стороны любовь и благодарность России в лице русского офицера, пожертвовавшего жизнью для освобождения Сербии»¹³³.

Государственный характер торжеств, на что справедливо обратил свое внимание Чарыков, подтверждает и состав гостей, прибывших в Горни Адровац. Его Величество короля Александра Обреновича представлял адъютант, полковник М. Кумрич. В память о *ратном* подвиге Раевского здесь же присутствовал военный министр, подполковник В. Антонич, в сопровождении командиров всех воинских частей, расквартированных в Моравской области. Кроме того, депутации прислали Сенат и Народная скупщина. От имени Русского клуба из Белграда прибыл его председатель Р. Милошевич. Двух своих членов на праздник отрядил муниципалитет сербской столицы. Со стороны местных властей в закладке храма участвовали заместитель начальника Нишского округа, председатель городской управы Ниша и главы восьми сельских общин (волостей). Вот уж, действительно, говоря словами поэта, «все побывали тут».

Россию представляли первый секретарь императорской Миссии П. Б. Мансуров и военный агент в Сербии, Болгарии и Черногории полковник Е. А. Леонтович. Семью же Раевских — второй сын Марии Григорьевны,

корнет лейб-гвардии Гусарского полка Михаил Михайлович Раевский и их зять — ротмистр Николай Сергеевич Плаутин.

Руководил всей церемонией владыка Никанор.

Для ее описания вновь прибегнем к помощи дипломатов. «Место кончины Н. Н. Раевского, — сообщал Мансуров, — представляет из себя возвышенность, командующую на значительное расстояние окрестностью. На ней расположена была 20 августа 1876 г. сербская батарея, на которой пал Раевский. Самое место падения его ознаменовано каменным крестом, воздвигнутым в свое время по распоряжению королевы Натальи, согласно просьбе семьи покойного. У означенного креста отслужено было архиереем молебствие с водосвятием. Затем преосвященный Никанор пригласил племянника покойного, корнета Раевского, произвести закладку будущего храма. По совершении закладки, епископ сказал прочувственное слово, пригласив присутствовавших вознести молитвы свои об упокоении души Н. Н. Раевского, и отслужил панихиду. Во время богослужения произведены были несколько раз залпы из орудий»¹³⁴.

Последовавшая за тем торжественная трапеза неоднократно прерывалась тостами и здравицами, как чисто дипломатическими, так и идущими от сердца. «Речи сербских участников торжества, сопровождавшие вышеозначенные здравицы, — заключал свой отчет П. Б. Мансуров, — отличались большой горячностью и стремлением убедить присутствовавших русских в искренности и непоколебимости чувств сербского народа по отношению к России»¹³⁵.

Сербская пресса также не обошла вниманием столь знаменательное событие. Изложение всех комментариев

заняло бы слишком много места, а потому обратим внимание только на один материал. 10 марта 1902 г. издававшаяся в городе Пожаревац газета «Новый гражданин» поместила статью «Что рассказывает очевидец о последних мгновениях жизни покойного полковника Николая Раевского»¹³⁶. Этим очевидцем был не кто иной, как уже известный нам фейерверкер А. Станоевич, который в момент гибели Раевского вынес его тело из-под огня турок. Ныне крестьянин села Петка, близ Пожареваца, он снова повторил то, что видел и пережил 20 августа 1876 г. Но самым показательным в его рассказе представляется другое, а именно — маленький факт, наглядно иллюстрирующий ту самую «искренность и непоколебимость чувств» сербского народа к России и конкретным ее представителям, о которых так много говорилось на торжествах в Горнем Адровце.

Оказалось, что в свое время Анна Михайловна Раевская послала Станоевичу 100 рублей (примерно 300 динаров по тогдашнему курсу) за спасение тела ее сына. Деньги эти передал ему Коста Шаманович. Так вот, всю эту, немалую по тем временам, сумму он употребил не на собственные нужды, но на устройство колодца в оживленном месте на пути из Пожареваца в село Дубровицу, который и назвал с крестьянской безыскусной трогательностью: «Колодец покойного полковника Николая Раевского — русского, что погиб в 1876 г. в борьбе с турками за освобождение сербства» (перевод дословный)¹³⁷. Из таких вот мелочей складывалась *вечная память*.

По возвращении из Горнего Адровца, 4 марта, родственники Н. Н. Раевского были приняты в Белграде королевской четой («чрезвычайно любезно», по словам Ча-

рыкова) и после аудиенции «удержаны к завтраку», вместе со всей русской дипломатической колонией¹³⁸. Церемония закладки храма-памятника «Вронскому» заканчивалась на высшем уровне...

1903 год в истории Сербии — это год кровавой драмы. 29 мая группа офицеров-заговорщиков физически уничтожила короля Александра Обреновича и королеву Драгу, совсем недавно столь радушно принимавших русских гостей, и возвела на сербский престол нового монарха, Петра Карагеоргиевича.

А церковь Святой Троицы тем временем строилась. К середине лета все основные работы были завершены — в камне воплотился проект русского художника Н. А. Бруни. Дело оставалось за иконами. Их писал в Петербурге тот же мастер. 7 июля владыка Никанор торопил Марию Григорьевну: «С нетерпением жду иконы, так как уже все готово: церковь готова, иконостас готов. Только иконы и все будет. Прошу поспешить с их посылкой»¹³⁹. С тем же письмом он выслал и счета, в ответ Раевская отправила в Сербию еще два чека — на тридцать одну тысячу восемьсот и семь тысяч франков¹⁴⁰. Наконец, 2 августа Бруни закончил свой труд, и неделю спустя пять ящиков с иконами (общим весом 4 пуда 29 фунтов, как записано в сопроводительных документах) были отправлены на станцию Алексинац, откуда их перевезли в Горни Адровац.

К концу месяца образа заняли свои места в иконостасе. Теперь все действительно было готово. Изнутри храм блистал свежей росписью. Эскизы фресок для него сделал В. М. Васнецов. Натурно их затем воспроизвел местный живописец Душан Обренович. Кроме того, на одной из стен (что весьма нехарактерно для православной

Храм во имя Святой Троице в Горнем Адровце,
возведенный на месте гибели Н. Н. Раевского.
Фотография начала XX в.

традиции) располагался портрет самого Н. Н. Раевского в гусарской форме, писанный крупнейшим сербским художником-реалистом, профессором Стеваном Тодоровичем. Характерная деталь — еще в 1867 г. автор портрета был избран почетным вольным общником петербургской Академии художеств¹⁴¹.

Добавим, что недалеко от церкви строители возвели здание школы, также в память Раевского. Это был подарок семьи адровчанам, должный символизировать юность и жизнь вечную, а не только напоминать о смерти...

И вот наступил долгожданный день. 2 сентября 1903 г. состоялось торжественное освящение нового храма. Его внешний облик и эффектное расположение описал в своем донесении состоявший при императорской Миссии в Белграде М. Н. Горяинов: «Храм построен в позднем византийском стиле, с сильно выпуклым, нонебольшим куполом. Находясь на возвышенности и будучи окрашенным в белую краску, он еще издали рельефно обрисовывается на фоне окружающей густой зелени»¹⁴². На северной стене его установили мраморную плиту с надписью: «Трудом и надзором епископа Нишского господина Никанора, и на средства благородной госпожи Марии Раевской возведен сей святой храм и освящен 2 сентября 1903 г.». До сих пор она радует глаз, сохраняя, несмотря на все перипетии бурного XX века, имена подвижников памяти.

Официальных лиц на сей раз было значительно меньше, чем ровно год назад, что вполне объяснимо — страна находилась в тяжелейшей политической ситуации. И тем не менее, *государственный* характер торжеств в Горнем Адровце новой династией был сохранен. Монарха

на них представлял его адъютант, майор Г. Джурич; кабинет — министр просвещения Д. Ружич; армию — штаб Нишской дивизии. От русской колонии присутствовали Горяинов и консул в Нише С. И. Чахотин, а от семейства Раевских — кроме уже известных нам гусарских офицеров Н. С. Плаутина и М. М. Раевского, брат последнего — студент Университета, а в недалеком будущем также лейб-гусар, Петр Михайлович Раевский*.

И вновь, как при закладке, первую скрипку на церемонии освящения храма играл владыка Никанор. «После торжественной обедни, — сообщал Горяинов, — на которой епископ Никанор провозгласил многолетие госу-

* Присутствие этого племянника Н. Н. Раевского на церемонии освящения Троицкой церкви — факт глубоко символический. Он родился в 1883 г., т. е. в год смерти бабки, завещавшей возвести храм. И вот, двадцать лет спустя, взрослый внук стоял перед его воротами... И вообще, мы должны быть крайне благодарными Петру Михайловичу Раевскому, поскольку именно он был издателем «Архива Раевских» (выходившего под редакцией Б. Л. Модзалевского), пятый том которого послужил основным источником при написании исторической части нашего очерка. К этому добавим, что П. М. Раевский, так же как его отец и дядя, вышел из Университета (правда, Петербургского) в лейб-гвардии Гусарский полк. В 1908 г. женился на фрейлине императрицы графине Софье Ферзен. В 1913—1914 гг. был церемониймейстером императорского двора. На известном портрете Эрнста Липгарта (1913), он изображен в «бальном» лейб-гусарском мундире. Именно в таком виде Раевский появлялся на придворных балах, распорядителем которых ему приходилось бывать согласно своей должности. Грудь молодого офицера на портрете украшает сербский орден Святого Саввы.

дарю императору, а потом королю Петру, Его Преосвященство совершил троекратный крестный ход вокруг освященной церкви, причем в это время гремели орудия с соседних холмов». Ну, а далее все шло по привычному сценарию: «В тут же находящейся школе, также построенной на иждивение семьи Раевских, был сервирован для почетных гостей завтрак». Официальных слов, на нем произнесенных, мы касаться не будем, но, как и ранее, обратим внимание на неформальное отношение простых сербов к русским. В качестве примера такового, «особенно выделялась речь местного кмета (главы общины. — А. Ш.), в которой он выразил глубокую благодарность семейству Раевских, не только почтивших память знаменитого родственника, но и облагоденствовавших постройкой церкви и школы местное население»¹⁴³.

Так, спустя двадцать семь лет с момента гибели, завершилась история «графа Вронского», приобретя каноническую форму. Его смерть (и физическая, и мифологизированная) стала символом, «закрепившим еще одним звеном цепь, связующую два братских народа», как удачно выразился на приеме у короля Петра Карагеоргиевича корнет М. М. Раевский¹⁴⁴. Памятником русскому стал храм, воздвигнутый на сербской земле. А дорога к нему, согласно еще одной бытующей в крае легенде, засажена липами из Еразмовки. «Все смешалось...».

Жизнь продолжается

Жизнь тем временем шла своим чередом. Церкви Раевского по решению епископа Никанора был придан ста-

тус приходской, и в нее потянулись люди из окрестных сел. В марте 1904 г. у храма появился настоятель — отставной военный священник Светислав Жуевич (1863—1943), который отправлял службы, венчал, крестил, отпевал, а также благоустраивал бывшую пустошь, политую кровью.

И сама Мария Григорьевна, выполнив семейный долг, не собиралась отстраняться от своего детища. В декабре 1903 г. она обратилась в российскую Миссию в Белграде с письмом: «По желанию покойной моей свекрови и моего покойного мужа я выстроила церковь на месте убиения брата моего мужа Н. Н. Раевского. По желанию моей свекрови я на эту постройку ассигновала 50.000 рублей... Очень хотелось бы знать будущность этой церкви, кто ее примет и в чьем ведении она будет, и кому мне вручить оставшиеся деньги — 5600 рублей на ее содержание, которые желательно оставить как капитал, принадлежащий церкви»¹⁴⁵.

Миссия немедленно отреагировала на послание вдовы — остатки завещанных А. М. Раевской средств в сумме пятнадцати тысяч франков были помещены в белградскую «Управу фондов» (аналог Центрального Банка), причем ежегодные проценты с этого капитала, предназначавшиеся для оперативных нужд церкви, составили 720 франков золотом. Деньги оказались очень кстати, поскольку уже в первый год ей потребовался «косметический» ремонт — буря разбила двенадцать окон и сбросила колокол. Кроме того, благоустройство территории также требовало немалых затрат.

Как видно из специального отчета, посланного С. Жуевичем в Петербург, его работы по налаживанию церков-

ного хозяйства отличались размахом. К концу 1904 г. отец-настоятель выстроил мастерскую, конюшню, хлев, сарай, которые были «сделаны крепко и покрыты кирпичем». Он выкопал колодец, разбил виноградник, засадил все пространство вокруг церкви деревьями, причем «200 штук фруктовых деревьев и 200 штук других, нефруктовых; подарил народ уезда Алексинацкого церкви Раевского»¹⁴⁶. Безводная и безлюдная высота, насквозь продуваемая ветрами, на глазах превращалась в цветущий оазис...

Но идиллия продолжалась совсем недолго. Скорые потрясения Мировой войны не обошли стороной и Поморавье. В октябре 1915 г. началось совместное наступление на сербов германских, австро-венгерских и примкнувших к ним болгарских войск. Оно предопределило военный разгром Королевства (сопровождаясь потрясающим по своему драматизму исходом армии и населения через албанские горы; народ прозвал его «Сербской голгофой»). Область была оккупирована болгарскими, которые разграбили русскую церковь... Так она и простояла все три года, что длился «пир победителей», — пустая, с выбитыми стеклами и поврежденной крышей.

В 1918 г. оккупанты были изгнаны из долины Моравы, а население в очередной раз стало залечивать раны. Начался срочный ремонт храма с целью спасти его от полного разрушения. Деньги на это (две тысячи сто динаров) с трудом наскребла российская Миссия, продолжавшая функционировать в Белграде. 30 октября 1919 г. переживший все невзгоды С. Жуевич докладывал новому Нишскому владыке Досифею: «Сообщаю вам, что церковь и церковный дом заново покрыты черепицей, чем

защищены от дальнейшего разрушения. Окна закрыты досками, чтобы внутрь не попадал снег...». Увы, только это и удалось сделать, хотя расходы все равно перекрыли полученную сумму. Но старый настоятель и не требовал компенсации. «Я не прошу, чтобы мне возмещали разницу, — писал он. — Считаю своим долгом и самому хоть чем-нибудь помочь, дабы эта русская святыня не превратилась в руину еще на моем веку»¹⁴⁷.

В руину храм, конечно, не превратился — не дали, но для возрождения былого великолепия, а равно и возмещения украденного болгарами церковного имущества, нужны были деньги. Однако все попытки найти их успеха не имели. Нищета 20-х годов пришла на смену относительно предвоенному довольству. Присовокупим к этому и катастрофу, постигшую Россию. На примере русской церкви в Адровце как-то особо пронзительно проявилась вся ее глубина.

Итак, осенью 1922 г. С. Жуевич обратился в Государственный Ипотечный Банк — бывшую «Управу Фондов» — с просьбой выслать проценты с церковного капитала для давно назревшей реставрации. Банк не обнаружил следов этих денег (вложив в свое время посланную М. Г. Раевской сумму в акции «Управы», российская Миссия хранила их у себя), а не обнаружив, запросил главу Миссии В. Н. Штрандтмана: «Дабы Управа Фондов могла разъяснить настоятелю ситуацию, просим вас сообщить, известно ли вам что-либо о деньгах или других ценностях, оставленных госпожой Раевской на нужды храма?»¹⁴⁸. 31 января 1923 г. последовал ответ: «Российская миссия имеет честь уведомить, что небольшой капитал Раевских для поддер-

жания храма-памятника в Адровце (около 20.000 динар в сербских процентных бумагах) был после отступления из Сербии, осенью 1915 г., отправлен в Петроград в министерство иностранных дел. Судьба этого капитала после большевистского переворота Российской миссии не известна»¹⁴⁹.

В апреле того же года епископ Досифей прислал в Миссию доклад С. Жуевича о состоянии храма. Ответное письмо Штрандтмана открывает весь трагизм положения: «Ознакомившись с присланной Вашим Преосвященством бумагой протоиерея Жуевича относительно состояния церкви Раевских в Горнем Адровце... я должен отметить, что, к великому сожалению, в настоящее время ни Миссия, ни члены семьи Раевских не в состоянии прийти на помощь в смысле дачи средств на ремонт и обновление ограбленного болгарями храма. Этой зимой б. Управа Фондов обращалась в Миссию со справкой о капитале Раевских на поддержание Адровского храма; мы ответили, что после отступления из Сербии, осенью 1915 г., относящиеся к этому делу бумаги и остаток капитала Раевских были отвезены в Петербург. Теперь, конечно, судьба их не может быть выяснена. Поэтому, дорогой и многоуважаемый владыко, я очень прошу Вас не отказать в затратах Ваших как по исходатайствованию присужденного вознаграждения за военные убытки... так и по снабжению храма необходимыми церковными предметами»¹⁵⁰.

И, судя по всему, Сербская Православная Церковь, взявши храм в Горнем Адровце под свою опеку, со временем привела его в порядок. По крайней мере, он действовал, службы продолжались, и каждый год 2 сентября

(т. е. 20 августа по старому стилю) совершались торжественные богослужения в память Н. Н. Раевского. Люди на них шли и ехали*, а значит — дорога к храму не заросла, несмотря на все потрясения...

Увы, она зарастет позднее, после того, как в 1945 г. к власти в Югославии придут коммунисты во главе с Иосипом Броз-Тито. Их руководящая доктрина «Братства и единства» подразумевала создание своего рода духовного противовеса православию, исторически составлявшему главный стержень сербского национального сознания. В многоконфессиональной стране проводилась выраженно асимметричная политика — строительство православных церквей, к примеру, было крайне затруднено, возведению же костелов никто не препятствовал. Если к этому добавить известный советско-югославский конфликт 1948—1953 гг., когда в Белграде предавалось анафеме все русское и советское (с точностью до наоборот ситуация развивалась и в СССР), то становится легко объяснимой печальная судьба «храма Вронского». Какой Раевский, какая русская церковь?.. Священники были разогнаны, а местное руководство занялось атеистическим воспитанием масс. Памятник был заброшен (хорошо, хоть не взорван). Многим казалось, что навсегда.

* 1 сентября 1921 г. В. Н. Штрандтман писал управляющему югославскими государственными железными дорогами Б. Вуковичу: «Считаю своим приятным долгом выразить Вам самую теплую благодарность за Вашу любезность в связи с поездкой в Алексинац на панихиду по моему покойному соотечественнику полковнику Раевскому» (Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 14. Л. 12).

Возвращение Вронского

По словам кого-то из мудрых, «критерий культуры — это отношение к смерти», а значит и шире — к прошлому, истории, памяти. 2 сентября 2001 г. исполнилось 125 лет со дня гибели Н. Н. Раевского. Напомнить об этом — цель данного очерка...

Но что историк? Он, как и всякий другой ученый, — всего лишь «скромный собиратель раковин на берегу бесконечного океана познания» (по словам одного из героев А. Конан-Дойля). А потому его апелляции к верхам и набаты в печати; с целью защиты «каких-то» святынь, на протяжении последнего полувека мало кого трогали. Какая история? Мы сами ее творим. И святыни рушили, или по крайней мере, мирно взирали, как то же самое делает время. Один в этом поле; увы, — не воин. Изменить ситуацию способно пробуждение исторической памяти *народа*, деформированной нигилизмом властей.

Сейчас, похоже, что-то подобное происходит. Вот и нынешняя судьба «церкви Раевского-Вронского» представляется нам пусть малой, но значимой вехой на этом очистительном пути возвращения к самим себе.

Чтобы не быть голословными, приведем ряд характерных выдержек из сербской и черногорской прессы последнего десятилетия. Так, в «Православии» от 1–15 августа 1992 г. читаем: «Церковь Святой Троицы в Горнем Адровце давно заброшена и запущена. Врата закрыты на ключ, который находится где-то в Алексинце, где точно — никто не знает. А ведь «под ключом» в этой церкви скрыты страницы нашей истории, культурное наследие, память о Раевском и его боевых товарищах из

России и Сербии. Недогоревшие свечи возле храма свидетельствуют, что есть еще люди, которые помнят героя войны, а также Вронского из „Анны Карениной“, чьим прототипом и был Раевский»¹⁵¹.

23 сентября 1994 г. в «Победе» был помещен рассказ одной путешественницы из Подгорицы о своем посещении церкви. Грустное впечатление от него усиливает особый поэтический дар автора, столь присущий многим черногорцам. А потому процитируем обширно: «Дорогу к храму скрывают старые липы (те самые, из Еразмовки? — А. Ш.). Справа от нее, прямо перед церковью, стоят печальные руины. Тут, вероятно, когда-то была школа, которая теперь в столь жалком состоянии, что взгляд сразу же отворачивается и упирается в церковь. А она, в свою очередь, под ключом, который „у Жуйовича на даче“. Приходится удовольствоваться лишь внешним осмотром. Хотя и здесь можно многое увидеть. Прежде всего, это фасад из красных и желтых кирпичей, затем угловые портики, будто созданные для того, чтобы смягчить жесткую прямоугольность стен, и наконец косые окна. Сквозь них четко видится, на стене, что прямо над входом, изображение Вронского в синем мундире. Его профиль занимает центральное место — *лысеющий лоб под военной фуражкой, ясные глаза и длинная густая борода* (выделено нами. — А. Ш.). Слева и справа угадываются остатки каких-то фресок. С купола свисает цепь, но чему она служит, понять невозможно, ведь двери в храм закрыты ключом, который у Жуйовича. Пустые фантазии — как было бы хорошо, если бы этот Жуйович находился не у себя на даче, а в расположенном рядом и восстановленном здании школы, где могла бы

разместиться выставка, напоминающая о событиях той войны, и где посетители могли бы перевести дух и познакомиться с историей памятника, который любой другой народ сохранял бы лучше, чем мы. Горько!»¹⁵². Финал поистине гоголевский. И, думается, дальше могло быть так же «грустно на этом свете», если бы постепенно времена не менялись.

12 июня 1996 г. белградская «Политика» сообщала: «После долгих проволочек началась, наконец, реставрация храма-памятника Святой Троицы в Горнем Адровце... Как только будет восстановлено находящееся рядом с ним здание, в нем разместится библиотека, где должны быть собраны все сочинения русских авторов, в каких упоминается о полковнике Раевском. Здесь же будут храниться и книги на других языках. В этом процессе будет участвовать и Московская Патриархия, которая проявила особый интерес к реставрации церкви в Горнем Адровце»¹⁵³.

Прошло еще два года, и 6 октября 1998 г. столичный «Голос» опубликовал статью «Храм братского согласия». В ней говорится: «30 сентября церковь Троицы в селе Горни Адровац провозглашена метохом (т. е. филиальным приходом. — А. Ш.) монастыря Святого Романа. Освящение храма и святую литургию по этому поводу соборно совершило сербское и русское духовенство во главе с владыкой Нишским Иринеем. От имени Русской Православной Церкви в чинодействии участвовал архимандрит Елисей... „В этом храме духовной культуры последняя служба прошла в далекие сороковые годы, — отметил владыка Иринеи. — Основание метоха имеет своей целью его дальнейшее перерастание в монастырь,

который будет достойно хранить воспоминания о совместной борьбе и славянской солидарности, много раз проявленной русскими и сербами“». И далее в статье читаем: «В метох уже прибыла первая монахиня, а один из местных жителей предоставил дом для нужд будущего сестринства. При содействии России здесь же открыта библиотека. Ее посетителям будут доступны все произведения Льва Толстого на различных языках»¹⁵⁴.

В пустой и размоленный храм, как видим, снова вернулись люди, а значит — к народу возвращается память. История продолжается, и мы еще прочтем ее новые главы...

Примечания

- 1 Особо прочно данная версия укоренилась в Югославии. Там нет практически никого, кто бы сомневался в ее подлинности, примером чему могут служить многочисленные публикации в периодической печати и целый ряд других сочинений, часть из которых мы будем использовать ниже... В отечественной литературе она также имеет своих верных приверженцев. См., например: *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе) // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 194–204; *Петров А.* Добровольцы // Родина. 1998. № 5–6. С. 105–107; *Шемякин А., Югович М.* Смерть «графа Вронского» // Родина. 2001. № 1–2. С. 125–130.
- 2 *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics. Through war and peace. London, 1931. P. 95.
- 3 *Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы. Л., 1983. С. 142.
- 4 *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 307; *Якубовский Ю. О.* Л. Н. Толстой и его друзья // Толстовский ежегодник 1913 г. СПб., 1913. С. 23.
- 5 *Толстой С. Л.* Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. Т. 37–38. М., 1939. С. 567.

- 6 Литературное наследство. Т. 75. Ч. 2. М., 1965. С. 462; *Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого. Тула, 1975. С. 69.
- 7 *Задохин А. Г., Низовский А. Ю.* Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 217.
- 8 *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 150. «Любопытно, — продолжает автор, — что эта фамилия есть и у Пушкина — в черновике отрывка „На углу маленькой площади“ („Женат, кажется, на Вронской“»)» (Там же).
- 9 См.: *Модзалевский Б. Л.* Род и потомство Ломоносова. СПб., 1911. С. 336.
- 10 Информация о родственниках Н. Н. Раевского почерпнута нами в издании: Род Раевских герба Лебедь. Составил Б. Л. Модзалевский. СПб., 1908.
- 11 Государственный Архив Тульской области (далее — ГАТО). Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 27—27 об. (копия).
- 12 Российский Государственный Военно-Исторический Архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 9. Д. 14148. Л. 4—5 об. (Полный послужной список полковника Н. Н. Раевского).
- 13 Там же. Л. 5 об.
- 14 См., например: *Корнилов Ю. Э.* Как погиб граф Вронский. М., 1975. С. 25—30; Архив Српске Академије Наука и Умет-

ности. Заоставштина Милана Живановића. Бр. 14434/3712 (Када је и где погинуо Вронски — јунак Толстојевог романа «Ана Карењина»?) и др.

15 *Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы... С. 143.

16 *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. М., 1986. С. 482.

17 Там же.

18 *Толстой И. Л.* Мои воспоминания. М., 2000. С. 87.

19 *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе)... С. 196–199.

20 ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1893. Л. 7.

21 Исследователь творчества Л. Н. Толстого Э. Г. Бабаев также указывает: «Если бы ко времени, когда Толстой заканчивал «Анну Каренину», не началась война в Сербии, которая как бы случайно вошла в роман, то возможно, что в последней части была бы изображена война в Туркестане» (*Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого... С. 72.).

22 Воспоминания В. А. Полторацкого // Исторический вестник. 1895. Т. LX. № 4. С. 99.

23 Там же.

-
- 24 *Череванский В. П.* Нечто о странном человеке // Исторический вестник. 1895. Т. LXII. № 11. С. 657.
- 25 *Раевский С. П.* Семья Раевских // Ясная Поляна. 2000. № 1. С. 310–311.
- 26 *Новиков А. М.* Л. Н. Толстой и И. И. Раевский // О Толстом. Международный толстовский альманах. М., 1909. С. 186.
- 27 См.: *Давыдов Н. В.* Из прошлого. М., 1913. С. 282; *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне... С. 245; *Толстой И. Л.* Мои воспоминания... С. 242; *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых // Ясная Поляна. 1997. № 2. С. 144.
- 28 *Булгаков В.* История дома Льва Толстого в Москве // Летописи Государственного литературного музея. М., 1948. Кн. 12. С. 529, 540.
- 29 *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне... С. 245.
- 30 Род Раевских герба Лебедь... С. 78.
- 31 См.: *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословец. Материалы. Ч. VI. М., 1909. С. 521–523 и далее.
- 32 *Раевская Е. И.* Л. Н. Толстой среди голодающих // Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 2. С. 374.

- 33 *Оболенский Д. Д.* Отрывки (Из личных впечатлений) // О Толстом. Международный толстовский альманах... С. 240. См. также: *Раевский С. П.* Семья Раевских... С. 310.
- 34 Архив Раевских. Пг., 1915. Т. V. С. 19; *Чернопятов В. И.* Дворянское сословие Тульской губернии. Т. III (XII). Родословец. Материалы. Ч. VI. С. 523.
- 35 См.: *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе)... С. 200–204.
- 36 *Новиков А. М.* Л. Н. Толстой и И. И. Раевский... С. 194.
- 37 *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых... С. 133.
- 38 Там же. С. 141.
- 39 ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1890. Л. 11.
- 40 Там же. Л. 7, 13.
- 41 *Толстой И., Толстая С.* Семейная хроника Толстых... С. 137.
- 42 Архив Раевских... Т. V. С. 64, 70.
- 43 См.: Род Раевских герба Лебедь... С. 41; Архив Раевских... Т. V. С. 20, 27.

- 44 *Бабаев Э. Г.* Роман и время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого... С. 226.
- 45 Цит. по: *Гусев Н. Н.* Жизнь Льва Николаевича Толстого. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862–1877). М., 1927. С. 264.
- 46 *Бирюков П. И.* Л. Н. Толстой. Биография. Берлин, 1921. Т. 2. С. 223.
- 47 *Лотман Ю. М.* Люди и знаки // *Лотман Ю. М.* Семiosфера. СПб., 2000. С. 7.
- 48 *Порочкина И. М.* Л. Н. Толстой и славянские народы... С. 142.
- 49 Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. СПб, 1914. С. 81.
- 50 *Моисеева Г. Н.* Образ Вронского в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (О литературном прототипе)... С. 199.
- 51 *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890. М., 1958. С. 460.
- 52 Цит. по: *Гудзий Н. К.* История написания и печатания «Анны Карениной» // *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1939. Т. 20. С. 622.
- 53 Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860–1891. М., 1928. С. 106–107.

- 54 *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890... С. 461.
- 55 См.: *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 62. С. 289 (примечание к документу 292); *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828—1890... С. 461; *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Семидесятые годы... С. 143 и др.
- 56 Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891... С. 37.
- 57 *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений... Т. 62. С. 294 (примечание к документу 297).
- 58 *Елпатьевский С. Я.* Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом // *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников.* М., 1960. Т. 2. С. 184.
- 59 Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894... С. 95.
- 60 Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891... С. 37.
- 61 Всемирная иллюстрация. № 402. 11 сентября 1876 г. С. 194.
- 62 Нива. № 39. 27 сентября 1876 г. С. 652.
- 63 *Толстой И. Л.* Мои воспоминания... С. 158.

- 64 Цит. по: *Гусев Н. Н.* Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1828–1890... С. 472.
- 65 *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 2. С. 324.
- 66 См. примечание 48.
- 67 *Бабаев Э. Г.* Роман и его время. «Анна Каренина» Л. Н. Толстого... С. 47.
- 68 *Старчаков А.* Предисловие // *Толстой Л. Н.* Анна Каренина. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 15–16.
- 69 *Бирюков П. И.* Л. Н. Толстой. Биография... Т. 2. С. 223.
- 70 Этот исключительно точный, применительно к характеристике героев Толстого, термин предложил еще в 1908 г. молодой Корней Чуковский. Именно данное их качество, по его мнению, часто приводит к тому, что «с ними очень трудно различным специалистам по российской словесности» (*Чуковский К. И.* Толстой как художественный гений // Ясная Поляна. 2000. № 1. С. 359–360).
- 71 *Русановы Г. А. и А. Г.* Воспоминания о Л. Н. Толстом. Воронеж, 1972. С. 31.
- 72 *Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 г. ... С. 299.
- 73 Биограф писателя П. И. Бирюков пишет: «В последней части, как известно, Толстой ... рассказывает о судьбе

- Вронского, в отчаянии отправившегося добровольцем в Сербию с целым отрядом кавалерии, сформированным на его счет» (*Бирюков П. И. Л. Н. Толстой. Биография... Т. 2. С. 222*). *В отчаянии* вообще-то эскадрон за свой счет не формируют. Одно с другим здесь явно не сходится.
- 74 *Секеринский С.* Барское дело // *Родина. 1998. № 5–6. С. 100.*
- 75 Цит. по: *Гусев Н. И.* Жизнь Льва Николаевича Толстого. Л. Н. Толстой в расцвете художественного гения (1862–1877)... С. 264.
- 76 *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1968. С. 54–55.
- 77 *Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860–1891... С. 39.*
- 78 *Модзалевский Б. Л.* Предисловие // *Архив Раевских... Т. V. С. 5–6.*
- 79 *Раевский Николай Николаевич* // *Русский биографический словарь. Том «П–Р».* СПб., 1910. С. 407.
- 80 *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах.* СПб., 1896. Т. 4. С. 70.
- 81 *Протокол заседания Славянского общества или благотворительного комитета. 13 февраля 1862 г.* // *Отчет и протоколы Славянского общества.* М., 1862. С. 4, 11.
- 82 РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Л. 113–116 об. (копия); Государственный Архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 957. Л. 1–4 (копия).

- 83 См.: *Вучковић В., Јакшић Г.* Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први Балкански савез. Београд, 1963. С. 305.
- 84 Цит. по: *Никитин С. А.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX века // Славянский сборник. М., 1947. С. 285.
- 85 Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву (предисловие А. М. Черняевой) // Русский архив. 1914. № 1. С. 35.
- 86 РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 13. Л. 17–17 об.
- 87 Письма властителей Сербии к М. Г. Черняеву... С. 29.
- 88 Два письма М. Г. Черняева, 1867 года // Шукинский сборник. М., 1912. Вып. 10. С. 242.
- 89 *Овсяный Н. Р.* Сербско-турецкая война 1876 г. // *Овсяный Н. Р.* Ближний Восток и славянство. СПб., 1913. С. 143; *Никитин С. А.* Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX века... С. 285–288; *Карасев В. Г.* Илия Гарашанин и Балканский союз 60-х гг. XIX в. в контексте русско-сербских отношений // Илия Гарашанин (1812–1874). Сборник радова. Београд, 1987. С. 257–258.
- 90 Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее — ОПИ ГИМ). Ф. 208. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4.

- 91 *Митровић В.* Николај Рајевски о реорганизацији српске војске // Војно-историјски гласник. 1997. Бр. 2–3. С. 241–250. Тот же материал воспроизведен и в сборнике: Од Делиграда до Делиграда. 1806–1876. Београд, 1997. С. 349–360. Годом позже переписку Раевского с Блазнавцем опубликовал и Будимир Поточан (см.: *Поточан Б.* Пуковник Рајевски о Србији // Даница. Београд, 1998. С. 185–201).
- 92 *Никитин С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 154.
- 93 Данная фраза из письма к матушке подтверждает ту глубокую мотивацию сделанного ее сыном выбора, о которой уже говорилось. И потому мы, увы, не можем разделить весьма привлекательное утверждение коллеги А. А. Петрова, будто «Николай Раевский... пережил незадолго до 1876 г. личную драму», что «и определило его решение ехать в Сербию — для того, чтобы с честью погибнуть на поле боя» (*Петров А.* Добровольцы... С. 105)... Кстати говоря, в сербской литературе также весьма часты намеки на то, что именно *личная драма*, схожая с той, какую пережили персонажи Толстого, толкнула Раевского на Балканы (см., например: *Опачић П., Скоко С.* Српско-турски ратови. 1876–1878. Београд, 1981. С. 114–115; *Бранковић С.* Независност слободољубивих. Београд, 1998. С. 354). Мало того, кое-где присутствует расшифровка этой пресловутой «драмы». «На балу, — читаем в одном сочинении, — Раевский знакомится с госпожой Х. Между ними вспыхивает страстная любовь, которая заканчивается трагически — самоубийством госпожи Х.» (*Сафронов В. И.* Н. Раевский как прототип графа Вронско-

го — героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // *Од Делиграда до Делиграда...* С. 252). «Как офицер, — продолжает эту „трогательную“ историю другой автор, — Раевский не мог поступить так же, ибо тогда он рисковал своей офицерской честью. Он решил покончить с собой более элегантным способом — погибнуть в борьбе. Поэтому он и приехал в Сербию» (*Бокић Н. Нови подаци о Рајевском // Победа. Крушевац. 31 март 2000. Бр. 2420. С. 17*)... Слов нет, версия романтическая, только почему-то ни одного источника, который подтвердил бы ее подлинность, уважаемые коллеги не привели. Так создаются и живут мифы, кочуя из одной работы в другую.

- 94 *Борђевић В.* Српско-турски рат. Београд, 1907. С. 204–205.
- 95 *Кузьмичева Л. В.* Русские добровольцы в сербско-турецкой войне 1876 г. // *Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 85.*
- 96 *Краљица Наталија Обреновић.* Моје успомене. Приредила Љ. Трговчевић. Београд, 1999. С. 84.
- 97 *Градовский Г.* «Архистратиг славянской рати». Из воспоминаний литератора // *Образование. 1909. № 1. С. 123.*
- 98 *Дневник Д. А. Милютина. М., 1949. Т. 2 (1876–1877). С. 79.*
- 99 Там же.

- 100 *Хвостов А. Н.* Русские и сербы в войну 1876 г. за независимость славян. СПб., 1877. С. 27
- 101 *MacKenzie D.* The Lion of Tashkent. The Career of General M. G. Cherniaev. University of Georgia Press. Athens, 1974. P. 243–244.
- 102 *Тодоровић П.* Писма. Личности и личност. Приредила Л. Перовић. Београд, 2000. С. 438.
- 103 ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3094. Л. 80.
- 104 *Градовский Г.* «Архистратиг славянской рати»... С. 123.
- 105 Там же.
- 106 *MacKenzie D.* Cherniaev on the Serbo-Turkish War of 1876 // *MacKenzie D.* Serbs and Russians. Columbia University Press. NY., 1996. P. 265.
- 107 *Тодоровић П.* Дневник једног добровољца. Београд, 1964. С. 131.
- 108 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 49. Л. 26–26 об. (письмо из Севастополя от 24 февраля 1876 г.).
- 109 *Дурново Н. Н.* К истории сербско-турецкой войны 1876 г. // Исторический вестник. 1899. Т. 75. № 2. С. 534.
- 110 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 42. Л. 16–16 об.; Рукописное отделение Российской Национальной Библиотеки (далее — РО РНБ). Ф. 14. Оп. 1. Д. 31.

- 111 См., например: *Moser H.* A travers de l'Asie Centrale. Paris, 1885; *Шнейдер И. И.* Русский герой. Памяти М. Г. Черняева. СПб., 1903; *Михайлова А. (Черняева А. М.)* М. Г. Черняев: биографический очерк. СПб., 1906 и др.
- 112 В октябре 1996 г. в селе Каоник, под Крушевцем, состоялась научная конференция, посвященная очередному юбилею сербо-турецкой войны 1876 г. В своих выступлениях, с цифрами и фактами в руках, сербские историки показали как крупные недостатки боевого развертывания частей и соединений, осуществленного штабом Черняева, так и явные провалы в организации им разведывательной службы (см.: *Бокић Н.* Научни скуп «Креветска битка и српско-турски ратови 1876—1878» // *Историјски часопис*. Београд, 1997. Књ. XLII—XLIII (1995—1996). С. 489—492). Увы, нам было нечего противопоставить своим коллегам.
- 113 *Борђевић В.* Српско-турски рат... С. 343—344.
- 114 Там же.
- 115 ГАРФ. Ф. 1750. Д. 142. Л. 176 об.—177.
- 116 Записки добровольца о сербской кампании // *Колосья*. 1892. № 5. С. 84.
- 117 Всемирная иллюстрация. № 406. 9 октября 1876 г. С. 270.
- 118 Отдел рукописей Института Русской Литературы РАН — Пушкинского Дома (далее — ОР ИРЛИ). Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 51—51 об.

- 119 Писма краљице Наталије Обреновић. Превела с француског и приредила И. Хаџи-Поповић. Београд, 1996. С. 40–41.
- 120 РО РНБ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 415. Л. 1 об.
- 121 Там же. Л. 1–1 об.
- 122 Там же. Л. 5.
- 123 Там же. Л. 29.
- 124 Там же. Л. 30.
- 125 ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 719. Л. 54.
- 126 Там же. Л. 75.
- 127 Там же. Л. 18.
- 128 ОПИ ГИМ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 37. Л. 14.
- 129 *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. Новосибирск, 1959. Кн. 1. С. 141.
- 130 Дневник. 15 децембар 1901 г. Бр. 227.
- 131 ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 18.
- 132 Там же. Л. 11.

- 133 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 495 (1902 г.). Л. 165 об.
- 134 Там же. Л. 166 об.—167.
- 135 Там же. Л. 167.
- 136 Шта прича очевидац о смрти и последним тренуцима покловоука Николе Рајевског // Нови грађанин. 10 март 1902. Бр. 20.
- 137 См. и собственноручное письмо А. Станоевича семье Раевских от 27 марта 1902 г. (ОР ИРЛИ. Ф. 253. Д. 620. Л. 38).
- 138 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 495 (1902 г.). Л. 165 об.
- 139 ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 69.
- 140 Там же. Л. 71.
- 141 См.: *Кондаков С. Н.* Юбилейный справочник Императорской Академии художеств. 1764—1914. СПб., 1914. Т. 1 (Часть историческая). С. 322.
- 142 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 499 (1903 г.). Л. 166—166 об.
- 143 Там же. Л. 166 об.
- 144 Там же. Л. 165 об.

- 145 ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 82, 83 об. Данный пассаж из письма М. Г. Раевской принципиально важен, поскольку снимает все вопросы относительно того, *кто* завещал возвести церковь, и *кто* в конце концов ее построил; *сколько денег* было отпущено на строительство, и *какова судьба* оставшихся после него сумм. Мы обращаем особое внимание на все эти нюансы в связи с тем, что в исторической литературе вокруг них царит настоящий разнобой — мифы, как и в случае с объяснением причин приезда Н. Н. Раевского в Сербию, буквально заполняют работы российских и сербских авторов. Так, Ю. Э. Корнилов пишет: «Полковник Раевский похоронен... в древнем монастыре святого Романа. Впоследствии, в 1900 г., тетка Раевского обратилась к епископу города Ниша Никандру с ходатайством о строительстве на месте гибели ее племянника церкви. Разрешение было получено. Мария Раевская, как свидетельствуют документы, прислала епископу „300 тысяч рублей золотом и два сундука с чертежами, планами и картами“. У крестьян было откуплено 30 гектаров земли, и работа закипела» (Корнилов Ю. Э. Как погиб граф Вронский... С. 28). По прошествии двух десятков лет ту же версию повторил В. И. Сафронов (см.: Сафронов В. И. Н. Раевский как прототип графа Вронского — героя романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»... С. 252). И, наконец, последняя по времени, точка зрения А. А. Петрова: «В 1902 г. мать Раевского (автор всерьез полагает, что это была “Мария Раевская (урожденная Гагарина)“. — А. Ш.) решила на том месте, где погиб ее сын, построить церковь, для чего переслала в Сербию 300 тысяч рублей и все необходимые проекты» (Петров А. Добровольцы... С. 106)...

- 151 *Стојковић С.* Црква Свете Тројице у Горњем Адровцу // Православље. 1–15 август 1992.
- 152 *Стевановић К.* Прича о Горњем Адровцу // Победа. 23 септембар 1994.
- 153 Рестаурација цркве Вронског // Политика. 12 јун 1996.
- 154 *Јовановић Љ.* Храм братске слоге // Глас. 6 новембар 1998.

Сербские коллеги в вопросе о финансовом обеспечении строительства храма отдают предпочтение другой легенде. «Графиня Раевская, — читаем у Б. Поточана, — передала владыке Нишскому 3000 дукатов для возведения обоих объектов (церкви и школы. — *А. Ш.*). Однако по завершении работ оказалось, что был потрачен только каждый третий дукат. Оставшиеся деньги — целых 2000 дукатов, согласно легенде, владыка возвратил графине Раевской» (*Поточан Б. П. И. Чајковски и Н. Н. Рајевски уз Моравско ратиште 1876. // Од Делиграда до Делиграда... С. 279*). И Слободан Бранкович придерживается той же версии, несколько произвольно, правда, переводя австрийские дукаты в русские рубли: «На строительство церкви было израсходовано 10 тысяч рублей, после чего епископ Нишский возвратил оставшиеся 2000 дукатов семье Раевских» (*Бранковић С. Независност слободолубивих... С. 335*). Нет смысла комментировать каждую неточность в работах указанных авторов — их слишком много... Представленный выше материал, основанный на *аутентичных источниках*, позволил нам реконструировать подлинную историю строительства церкви Раевского.

146 ОР ИРЛИ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 620. Л. 116–118 об.

147 ГАРФ. Ф. 5942. Оп. 4. Д. 14. Л. 10.

148 Там же. Л. 3.

149 Там же. Л. 16.

150 Там же. Л. 15.

Научное издание

Андрей Леонидович Шемякин
Смерть графа Вронского

К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г.
и участия в ней русских добровольцев

Издательство «Индрик»

По вопросам приобретения книг следует обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект 32-а,
Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)
тел. (095) 938-01-00
тел./факс 938-57-15

INDRIK Publishers have the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries. This book as well as other
INDRIK publications may be ordered by

e-mail: indrik@pochtamt.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 70x100 1/32. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.
4,5 п. л. Тираж 1200 экз. Заказ № 5777

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Николай Николаевич Раевский

(внук героя Бородинского сражения)

погиб в Сербии в бою с турками 20 августа 1876 г.

Его участие в первой Сербо-турецкой войне

и героическая гибель показаны в

широком контексте русского добровольческого движения.

Автор анализирует популярную версию

о том, что именно Н. Раевский послужил Л. Н. Толстому

прототипом образа Вронского.

Сопоставив (в ракурсе новых данных) судьбы,

характеры, наружность героя романа

и реального участника событий,

автор делает вывод об оправданности данной версии.